

Мир Славянской

Фантастики 18+

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Сергей
Беркут

БОГИ ЯВИ

Сергей Беркут

Боги ЯВИ

«Автор»

2021

Беркут С. В.

Боги ЯВИ / С. В. Беркут — «Автор», 2021

Наш с вами современник Серёга из Питера, отправляется в очередной отпуск на необитаемый остров. Но на славянский праздник Купалы случайно попавшая кровь в озеро, инициировала его в мире яви как благословенного князя Мидгарда. Где в нашем современном мире живут рядом с нами лешие и орки, домовые и демоны, русалки и оборотни. Кто он теперь? И почему многие тёмные приняли его сторону? А может всё же идёт невидимая глазу человека война? А мы об этом давно забыли... и при чём тут древние легенды о возрождении из пепла знаменитого война мира Прави Феникса? Содержит нецензурную брань.

© Беркут С. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Боги мои, боги...	5
Глава 1. Озеро Вуокса, остров Малый	7
Глава 2. Пробуждение	12
Глава 3. Дом Кузьмича	21
Глава 4. Разговор с лешим	25
Глава 5. Шаман	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Беркут

Боги ЯВИ

Боги мои, боги...

Вам снятся сны? А мне всегда. Последнее время один и тот же – и столь явно, словно я участник тех древних, всеми забытых битв, разворачивавшихся под взглядами старых богов, ныне канувших в бездну времён. Я вижу себя молодым поджарым воином, русым, в алом плаще, держащим в руках длинное копьё, словно жало пчелы. Такие же, как я, крепкие юноши, готовясь к своей последней в жизни песне, окружают меня полумесяцем. А перед нами нарастает чёрное облако мрака, словно вываливается нутро Чернобога, которое накатывает на нас грязной смертельной лавиной. Я не вижу, кто это, но точно знаю, что это тёмные. Демоны, прорвавшиеся через тонкую грань Яви в наш мир и яростно жаждущие вцепиться нам в горло и вырвать наши пока ещё бьющиеся сердца.

Нас сорок три воина, которые оцетинились, словно ёж, копьями. Нет ни страха, ни сожаления, а только то чувство, которое зовётся долгом. Этот путь мы выбрали сами. Я вижу на молодых красивых лицах улыбки, и это страшно. Всегда страшно, когда воин уходит к праотцам в Ирий с улыбкой на губах. Страшно для его врага. Братья знают, что вся суть их жизни в этом коротком миге. Долгие годы упорных тренировок – и всего лишь один бой, отведённый им судьбой. Это для них *честь!* Жребий Макошь Мать бросила задолго до нашего появления в этом мире и сплела своей нитью сотни человеческих жизней в единый роковой клубок.

– Олег! – высокий богатырь с голубыми глазами окликнул меня. – Нам пора уходить по горной тропе! – Сердце отозвалось болью. Друзья смотрели на меня с надеждой.

– Чёрт, – выругался я.

– Нам пора...

С горечью осознавалось, что все этого ждут именно от меня. От меня!!!

И мы ушли, оставляя их всех на верную гибель. Я зло шептал, как безумный, сплёвывая кровавые сгустки себе под ноги на пыльную тропу:

– Встретимся в мире Правы, братья мои...

Голубоглазый молчал, лишь скупая одинокая слеза течёт по небритой щеке великана. Мы потеряли всё! Огромные валуны и кряжистая скала нависли над нами, как злой рок и неотвратимая судьба человека. Позади нас слышится треск ломающихся копий вперемешку с людскими стонами. Кто-то кричит. Демоны-наёмники из нейтральных миров добрались до моего отряда. Пронзительный визг умирающих тварей и звук вонзающихся в их плоть клинков глухим эхом отозвались в ущелье, сковали тяжёлыми тисками наши сердца. Последнее сражение моих братьев против демонов Нави началось. Передо мной выскочила какая-то чернявая зверюга, чем-то напоминающая огромную собаку, сразу же клацнув возле моего бедра своей слюнявой пастью. Но, к моему счастью, промахнулась. Ещё немного – и мне бы пришел конец.

Я перепрыгнул на торчащий из горного кряжа выступ, с разворота рассек копьём горло псу Одина. Зверь по инерции помчался дальше и врезался в каменистую стену, послышался хруст его позвоночника. Я побежал вперед... настолько быстро, насколько мог... справа от меня раздался знакомый протяжный одинокий вой гончей. Вот же привязалась сука! Голубоглазый аккуратно поднырнул под нечисть, полоснув мечом её брюхо. Создание потустороннего мира протяжно взвыло, но Метру это не остановило, а это она, я узнал её, она двигалась на меня как лесной тур, волоча свои потроха по пыльной тропе, обезумев от адской боли, захлебываясь в слюнях. Ну что ж... вполне ожидаемо, у неё ко мне личные счёты, любовь, она такая,

кого хочешь сведет с ума, даже если ты тёмная тварь с другого конца Вселенной. Хотя... по меркам вселенной они наши соседи.

Я ушел немного левее с линии атаки, пропустил обезумевшую от любви Метру немного вперед, короткий росчерк клинка отделил голову пса от тела. Ну, вот и всё, отправляйся-ка ты, дорогуша, к своему другу Церберу, в свои Паскудные миры. Отмучилась, бедненькая... Ещё слышался позади нас угасающий бой, перемешанный с людскими стонами и предсмертными хрипами демонов, а мы уходили, оставляя своих любимых и братьев на верную смерть. Горечь утраты спёрла грудь, подкатила к горлу, встала комом и, словно вулкан, прорывалась в ночную тишину страшным нечеловеческим рыком:

– Боги!!!

Глава 1. Озеро Вуокса, остров Малый

Солнце светит. Птички поют.

– Эх, хорошо-то как! – Лёгкий ветерок подул, освежает... Кайф! Сразу же на водной глади появились небольшие барашки, качнув поплавок. Я зажмурился и потянулся.

– Лепота...

Давно бы так, а то всё Питер да Питер, насилиу вырвался. Скоро лето закончится, а я на рыбалку первый раз выехал. Какой ужас... Вытащил удочку и смачно плюнул на червяка.

Таблетка горячего спирта вспыхнула голубым огнём. Так, две ложки кофе, две сахара, миниатюрная медная турка уже над огоньком. Ждем-с-с-с...

День хороший какой, а не клюёт. Плохо, хоть бы плотва взяла. Мелочь, а всё равно приятно. Да и чёртовы комары, ещё не вечер, а они лютуют. Загрызли сволочи. Блин, кофе мой, ой-ё! Чуть не сбежал. Куда собрался-то?

А сигареты где? А, вот, нашёл. Год собираюсь бросить, никак, правда, пока собираюсь, но не могу себя уговорить... Боязно как-то. Но пить сегодня точно не буду, решил. Мужик сказал, мужик сделал. Вот и ладненько. Значит, договорились. Голубой дымок и глоток ароматного обжигającego напитка, что может быть лучше? А... Что?.. Хорошая баба! Согласен, но не всегда. Для меня в данный момент лучше классный бодрящий молотый арабский кофе.

Вот же блин, очки забыл дома. Блики на воде так играют, что поплавок не видно. Как в той песне из «Бременских музыкантов»: «Солнце взойдет...» Ладно, к вечеру авось расклюётся. А пока кайфуем. Вечером, смотри, и зубастая на охоту выйдет. А мы её, охальницу, на блесёнку да в ушницу. Хорошо бы! Оба-на, смотри, поплавок вздрогнул! Или показалось? Нет, точно, что-то подошло! Видимо, сосёт. Пушай сосёт, подождём. Поплавок немного подкинуло. Ждём, рано ещё, ждём, немного терпения. Тот вяло заелозил и отправился куда-то в сторону камыша. Подсечка, в самый раз. Ух ты, удилище дугой. В камышах бурун. Вот и уха! Достать бы! Хорошая катушка, японская, прямо внатяжку, не зря купил. Хвалю! Водит кругами, но к берегу не подходит. Лишь бы леска выдержала, засомневался я. Ага! Идёт, ближе, ближе. А где подсак? Вот же дурень старый, не взял! Как можно неделю собираться и в результате забыть ровно половину снаряги?! Не понимаю! Я в шоке от себя, граждане! Спешка нужна только при поносе, так говорит мой батя. Опять бурун, но уже ближе к берегу.

А вот и рыбка показалась. А лещик какой! Красавец! Настроение сразу стало подниматься, забаламучу такую уху вечером – ложку оближешь, на костре, да под холодную водочку. Ммм, тятя какая! Эх, благодать-то! Окинул взглядом небольшой остров. Кряжистый большой камень, словно пуп, грел свои бока на солнце, строго посередине острова. И ни души. Вот это рай... Кинул улов в садок, поменял червя и стал продолжать медитировать на лоне природы. Бахнуть, что ли? А нет. Сказал же, не буду, значит, не буду!

Солнце коснулось лучом верхушек елей, вот и вечереет. Взял любимый свой спиннинг, набор блёсен, перепрыгнул в зелёную крашеную старенькую лодку и оттолкнулся от берега. Поблеснив под своим берегом, стал переплывать к соседнему острову. А чего? Каждый рыбак знает, что у соседей всегда лучше! И я поплыл. Бросок вдоль камыша, лёгкая проводка. Удар! Вот, долгожданная зубастая. Хорошая штучка, свеча – и уверенно ведёт под корягу. А нет, куда ты, родимая, кто же тебе позволит? Подтянул, два оборота, подтянул, два оборота. Где твои жабры? А вот и они. Подхватил её и опрокинул в лодку. Моя прелесть! Пара окунят и неплохой щукарь есть на уху, пора бы и честь знать, нам много не надо.

Я попытался вытащить блесну из пасти рыбины. Щука словно ждала этого. Подпрыгнула и ударила «Емелю» хвостом в самый неподходящий момент. Чёрт! Финская блесна вспорола палец. Вот же чертовка! Ну да ладно, и без какого-либо сожаления я отпустил её в садок, заслу-

жила. Так, а теперь рану промыть – и к себе на остров, там и обработаю перекисью водорода. «Или всё же поссать!..» – я задумался. Не, на остров...

Перекинулся через борт лодки, протянул руку к воде – смыть кровь. Соприкосновение с прозрачной зыбью, глухой удар, толчок, словно меня током ударило, вольт примерно на триста восемьдесят. Кайфанул так, аж глаза закатил. Ударная волна по ровной глади радиусом разошлась до горизонта. Ой, млять! А если бы всё-таки пописал?.. Ни фига! Как ещё не убило. Отдышался. Видимо, под водой где-то энергетический кабель пробило. Чудом остался жив.

Аккуратно погреб к своему берегу, всё, думал, на сегодня наловился. Хоть бы сволочи знак предупреждения поставили. По-моему, даже волосёнки на голове задымились. Выскочил на берег, стараясь отойти от шока. Вспотел так, аж трусы к жопе прилипли. Фу-у-у! Словно заново родился... Хорошо хоть, ума хватило не ссать в воду, а то всё, пиши пропало. Мой сморщенный друг такого шока не выдержал бы, отсох бы, словно стручок фасоли, это в лучшем случае. На горизонте вспыхнула молния. Ну вот, ещё и погода портится, ночью ливанёт, всё одно к одному. Подошёл к столу, налил в стакан водки. Ну, с рождением тебя, Серёга! И тебя тоже, мой маленький друг... Махнул не глядя, пошла хорошо, как к себе домой. Скоро стемнеет, надо б и ужином заняться. Аккуратно ножичком я принялся потрошить рыбку на берегу озера, никого не трогая. Краем глаза заметил в вечерних сумерках в камышах девушку. Вот тебе раз! Две хорошие голые сиськи. Вот тебе два!

– А ты откуда взялась такая хорошенькая? – от удивления на секунду замер я, аж глаз дёрнулся. Девушка по пояс стояла в воде. Оглянулся – никого нет в округе. Мерещится с голодухи, что ли? Мотнул головой.

– Ты что, немая? – Сидит и только таращится на меня, глазками блестит. А округлости ничего, дыньки наливные. Длинные чёрные волосы тонкими прядями свисают с плеч, опускаясь куда-то в прохладную воду. А довольно милая, сделал я вывод. Чёрные жгучие глазки словно два омота, в таких и утонуть можно. Сто пудов, хочет меня! Вон улыбается. Заигрывает... Губки – словно малины лесной наелись. Красотка, прям русалка какая.

– Вылезай! Простынешь! – Реакции никакой, просто ноль, смотрит на меня, словно на медведя в цирке. Чёртовы сектанты языческие, сегодня ведь ночь Ивана Купалы. Ну, понятно, обдолбалась, наверное, а потом полезла купаться, на свои красные щёки приключений искать, да остров перепутала. М-да, я б с такой рыбкой и сам поплавал в тихой гавани да запруды проверил, раков половил...

– Вылезай, дурёха! – скинув тапочки, не выдержал я и шагнул в воду, в её сторону. Подруга сразу как-то напряглась и ошетибилась. Я сделал ещё шаг поближе и протянул осторожно руку. Бог ты мой, в вечерних сумерках от неё просто глаз не отвести. Особенно от этих спелых, сладких северных арбузиков. Ох, твою ж мать, чтоб мои глаза повылазили. Какое небо голубое... При этом я изо всех сил изображал, что совсем ничем не интересуюсь.

– Не бойся, пойдём! – сделал аккуратно небольшой шагок, стараясь мило улыбаться, чтобы не напугать, баба-то явно не в себе. Неожиданно огромный фонтан брызг окатил меня с ног до головы. Огромный рыбий хвост, словно дельфин в аквапарке, ударил по водной глади, подняв столб брызг и мути. Не знаю, как поступили бы другие мужики, но меня уговаривать долго не надо было, и я сиганул от неё на берег, как северный олень, словно от проказы. Существо, смотрящее на меня, зашипело. Был бы верующий, перекрестился бы. – Отче наш, иже еси на небесах!.. – постарался я вспомнить молитву, но на большее меня не хватило, и я попятился задом.

– Ишшишимшам! – процедила она сквозь острые, словно бритва, длинные тонкие зубы и ошетибилась, как бешеная собака.

Фу-у, что-то я погорячился с этой красоткой! Зубы словно у вампира и синие круги под глазами выделялись на бледном водянистом лице. Кикимора, что ли?

– Убирайся! – не найдя ничего лучше, выкрикнул я так грозно, как мог, и махнул рукой. – Брысь, кому говорю!

Тварь, обдав ещё раз меня брызгами, оттолкнулась хвостом и нырнула. Огромная волна пошла вдоль камышей, как торпеда. Слово «удивился» тут немного неуместно. Я просто а-а-а-х-х-х-э-э-э... растерялся... Ну, вот так всегда, только встретишь добрую, хорошую, глазастую, присмотришься к ней утром, а она лявва ляввой. Нет, ну я тоже не Аллен Делон. Залысины уже есть, щёки имеются, пузо тоже на месте! Хвостик в трусах шевелится. Что вам ещё надо? Подхватываю быстро нож со своим уловом и бегом поближе к костру. Чёрт-те что происходит! Дурдом! Слышал, таких тварей огонь отпугивает. Опрокинул немного «беленькой», чисто для успокоения нервной системы. А именно сто грамм. Подбросил дров в огонь – гори-гори ясно, чтобы не погасло, – и подтащил огромную сухую корягу поближе, водрузив на костёр, создав ебипетскую пирамиду. Только тогда и стал понемногу успокаиваться, переводя дух. Хватит, думаю, коряги до утра. Присел поближе на пенёк у костра, оглянулся, никого нет. На автомате подвесил котелок над огнём, стал понемногу отходить от шока и коситься в камыши.

Итак, что мы имеем? То, что долбануло меня, – это уже не в счёт. А вот то, что вокруг острова рыщет какая-то хищная тварь, – это факт! Сам не видел бы – ни за что бы не поверил. Но штаны мокрые, и я до ветру не ходил. Ночью валить с острова просто глупо, в данный момент фиг вы меня отсюда выковырнете. Мало ли, эта сумасшедшая нападёт. Что там народ про ночь Ивана Купалы говорит? Информации почти ноль, голова пустая. Бабы венки из цветов плетут да в воду кидают. Где-то читал, что нежить всякая ночью выходит. Вроде у Мазина где-то было, точно не помню. Ещё что? Всё! Без ста грамм не разобраться. Обернулся – никого. Почувствовал себя как в фильме «Пираты Карибского моря». Где мой ром? Оглянулся, налил, выпил, словно украл. Дожил... Ах да, хороводы водят вокруг костра! Вот и я, выходит... Надо было русские народные сказки на ночь читать, а я Мазина Сашу. Толку-то! Знал бы, соломы бы подстелил.

Гроза приближалась. Её тут только не хватает. Зальёт ведь костёр, как пить дать зальёт. В озере что-то огромное плюхнуло. Так, давай рассуждать логически. Нежить чего боится? В голову пришло только одно – серебряные пули. И то все мои познания основаны на песнях «Сектора Газа», слабо. И где я их возьму тут? Ага, слово мухой жужжит в мозгу, но вам не скажу. Везде!.. Судя по фильмам, бояться света. Стоп! У меня же классный рыбацкий фонарь есть. Тогда почему я в темноте? Мухой в палатку. Да будет свет! Яркий луч заметался по округе. Как знал, купил.

– Он ещё и комаров отпугивает!.. У-у-у! – прокричал я куда-то в темноту на всякий случай и погрозил кулаком. Что-то в камышах зловеще зашелестело. Глаз зацепился за старую ненужную тряпку. Так, так, так! Разорвав её на ленты, обмотал подобранную палку, полил её оливковым маслом. А факелы никто не отменял! Ну вот, установил один на подходе к лагерю, привязал его верёвкой к стволу дерева и поджёг со стороны озера, на тропинке. В камышах недовольно засопели. А у самого сердце дуг-дуг, дуг-дуг, дуг-дуг – немного ниже поясницы...

– Выкусите!.. – Дуг-дуг, дуг-дуг, дуг-дуг.

Вернулся, подсоллил воду в котелке и добавил немного пшена. Второй факел положил возле себя на всякий случай. Если что, думаю, подпалю и в харю ей, в харю! Если выползет. На автомате достал нож и порезал зелень. Нож с костяной ручкой уверенно сидел в моей ладони. Калёная сталь, друзья подарили. А как про боевую единицу я про него забыл. Подвесил на пояс и сразу стал себя чувствовать намного спокойнее. Прямо герой! А поджилки у самого и сейчас трясутся, даже водка не помогает. Война войной, а пожрать никто не отменял, добавил куски рыбы. Немного выждал, помешал душистое варево деревянной ложкой. Ещё налил себе граммилку «наркомовских», прихлёбывая горячим бульоном. А жизнь налаживается, ребята. Вот что мы за люди такие? Зажрались! И многие мои знакомые вкус к жизни потеряли, причём к своей, да я и сам такой. Всем мы недовольны. У кого работа плохая, у кого нет денег,

кто политикой желчь мечет, кто Путиным, кто анти-Путиным. А жить-то когда? Телевизионщики не новости нам показывают, они время моё крадут. А ведь кто-то мог лишний час и с детьми побыть, и с друзьями посидеть. Так что и выходит, за всех переживаем, а за себя пожить некому. Чужой жизнью живём. Вон как у меня, сначала мне некогда было, работа, работа, теперь дети выросли, у них работа, работа. А чуть-чуть к сраке припекло, сразу начинаешь чувствовать любовь к своей жизни, остроту ощущений. И всякая чертовщина мерещится. Вот как сейчас. Прямо адреналин в крови, или алкоголь, неважно, суть одна. Как у Высоцкого в той песне: и жить хорошо, и жизнь хороша. Умнейший человек был.

В небе громыхнуло так, что голову захотелось вжать в плечи. Так, сухие дровишки срочно собрать и в тамбур палатки. Подхватил кое-какие вещи и унёс. А то дождь накроет, не высохнут потом. Ненастье разыгралось не на шутку. Молнии били в разные стороны, словно это морской спрут, озаряя тяжёлый тёмный небосвод своими огненными жгутами. Для Питера это вообще аномальная погода. Гремит, конечно, но не так же! Треск такой разнёсся по небу, словно канаты рвут. Рождённый в южных регионах страны, я никогда не боялся этого природного явления. Но такого даже там не видел. Ночное небо страшно громыхало на горизонте и горело малиновыми огнями. Пойду лучше отолю, пока не поздно. Пробежал метров двадцать от лагеря, устроился на этом мегалите. А чего, ровно и удобно. Чем-то он мне напоминает Гром-камень, на похожем в Санкт-Петербурге Медный всадник стоит. А я чем хуже?! Коня, правда, нет. Я его «Пуп земли» назвал, дурацкая привычка, конечно, неживому имена давать, согласен. Но я такой, какой есть. Куда уж мне меняться, друзья, поздно, Вася! Над моей головой гром прошёлся раскатом, так что я подпрыгнул и чуть не облил себя. Алая молния больно резанула глаз. На мгновение перед собой я увидел её, она стояла недалеко от меня, на Гром-камне. Молодая девушка! Волосы чёрными прядями покрывали её плечи и грудь, словно ветви у плакучей ивы. Что особенно бросилось в глаза – седая прядь на смоляной чёлке, словно народившийся молодой месяц, и широко открытые серые, словно туман, глаза. А в них немой вопрос: «Где ты был? Я тебя так долго искала!» Если это сама смерть пришла за мной, я с ней готов идти куда угодно. Я громко икнул. Хоть за Калинов мост. Рукой утёр горячий потный лоб. Да я весь горю! Это просто ночной бред какой-то. Такого не может быть!.. Сердце перестало стучать в такт. Алые жгуты молний полоснули тонкими змеями в Гром-камень, озаряя округу так, что, наверное, было видно со спутников эти электрические разряды. А в её глазах теплится какая-то неуловимая надежда и вечная печаль.

Сероглазая сделала шаг, всего лишь один шаг навстречу. Я уже не мог адекватно воспринимать этот мир, голова кружилась, тело пылало в огненном бреду, на грани... это безумие... Кроме её глаз, в голове не осталось ничего, одна пустота. Она приподнялась на носочки, и её губы соприкоснулись с моими. Сердце сжалось, вспоминая до боли знакомый сладкий вкус, словно я был лишён его тысячу лет. Она опустила и положила голову мне на плечо, крепко обняв своими нежными руками. Я умер...

– Этого не может быть... – прошептал сероглазой. – Я, наверно, сошёл с ума?! – я обнял тонкую талию, прижимая маленькое бьющееся в унисон сердце, заглядывая в её бездонные глаза, которые похожи на две маленькие параллельные вселенные. И я узнал их... – Ты приходишь ко мне в моих снах?... – прошептал ей пересохшими губами и задохнулся от восторга. Она улыбнулась и поцеловала меня, крепко прижимаясь к моей груди, и даже немного всхлипнула.

– Я тебя больше никуда не отпущу! – голос ночной тенью закрался в мою голову. – Пропади этот мир пропадом... – А вокруг меня мир рвался в огненные клочья. Земля вздрогнула, и растущее рядом дерево вспыхнуло, как крохотная спичка. Молнии неудержимо жгли кислород, создавая вокруг нас ярко огненный кокон. Остров содрогался от грозových раскатов, словно два великана неудержимо били в него своими барабанными палками. А ветер разъярённым демоном стегал своей плетью небольшой участок суши под моими ногами на озере Вуокса.

– Не уходи... прошу...– прошептал я, прижав её голову к груди. Чувствуя всем сердцем родное, да так, словно его сжали тиски. – Не уходи... – повторил я. Губы пересохли от жара. Она заглянула мне в глаза, показав свои грустные морщинки.

– Если я не уйду, ты погибнешь. – Наваждение отшатнулось от меня – и всё пропало. Всё сразу же стихло, словно ничего и не было. И сероглазая исчезла! Молнии перестали бить в камень, густая мгла спустилась на землю. Лёгкий ветер тронул моё лицо, словно её поцелуй на прощание. Грозовые раскаты прошли стороной, тишина и покой. Ветер кинул мне в лицо первые прохладные капли дождя. Или это были чьи-то слёзы? Как больно... Словно часть моей души ушла с ней. С камня встать было крайне неохота. Так и сидел, одиноко смотря в ночную темноту.

– Кто ты?.. Я так долго тебя искал в своих грёзах.

Глава 2. Пробуждение

Утро было ну очень тяжёлым... Глаз один, другой. Ой-ой! Плохо-то как. То ли утро, то ли вечер, в Питере всегда так, сразу не разберёшься. Ага, вроде в палатке своей, уже хорошо, это раз. Кое-как вылез на божий свет, это два. Воды бы, а то язык к небу прилип, как лопух к жопе, ну ладно, не об этом сейчас. Голова как котелок чугунный, кашу совсем не варит, видно, ночью по ней кто-то старательно наступал. Я застыл на четвереньках, смотря на догорающие угли.

Задумался... Увидел два пол-литра пустые на горизонте. Ой-ёй... Блевануть, что ли? Может, хоть немного полегче станет. Чайник копчёный над костром натужно сопит. Раз горячий, значит, я недолго был в отключке. Сейчас бы граммов сто махнуть, и мир снова бы заиграл для меня чудесной красочной палитрой. Ни фига я выдал перл. Всё же в глубине своей души я чуткий и ранимый романтик, впрочем, как и всё международное братство алкоголиков. Правда, очень глубоко, но чувствую себя как в августе сорок первого, где-то под Минском... Сел на лавку. Видно, местные для себя строили курорт. Хороший стол, обшит клеёнкой. Крепкая скамья. Стоп! Вот это скатерть-самобранка. Ай да Серёга, ай да сукин сын! Я мурлыкнул, словно кот, который нашёл сметану. Серёжа хороший. Аж шею потянул. Стол был накрыт. На блюде аккуратно лежит порезанный малосольный огурчик, финский сыр. Тонко нарезана зернистая копчёная колбаска. А главное! Граммов двести запотевшей холодной водочки. Боже!.. Какой я умница! Серёжа, я тебя люблю! Господи, благослови «Русский Стандарт»! И я перекрестился. Фу, богохульник!.. По Пулково буду проезжать, просто помолюсь за них. Со мной это бывает, иногда на утро остаётся. Налил, махнул, как в армии. Передёрнуло. Слеза выступила, глаза прикрыл, кайфую. Печёт, сука... хорошо... Между первой и второй промежутки небольшой. Я не стал тянуть кота за это. Вторая прошла как в доменную печь. Даёшь стране угля. Даю!

Я открыл потихоньку один глаз. Как же жизнь, ребята, прекрасна, если бы вы только знали. Потянулся, взял со стола стакан холодного огуречного рассола. Запил. Рыгнул. Желудок одобрительно буркнул. Жить, ребята, всегда нужно по кайфу! СТОП! Немного назад. В голове словно белый опарыш проснулся – хрям-хрям меня. Стакан холодного огуречного рассола... Я что, на рыбалку банку огурцов брал? Не помню... Посмотрел вниз. Я когда-то по телеку видел ядерный взрыв. БА-БАХ!!! – взрывной волной в голове потушило последний огонёк моего больного сознания. Я осторожно осмотрелся. На углу стола лежал свёрток. Гадский папа! Аккуратно завернут в совдеповскую бумагу. Помню, помню такую, раньше мамка пошлёт за конфетами, так их в то же самое заворачивали. Пацаны, атас!.. Нутро так и кричало. Серёга, проснись! Проснулся. Не помогло, свёрток как лежал, так и лежит. Нервно передёрнул... «в смысле, сигарету достал». Мандраж понемногу проходил.

Бывает же такое чувство на душе поганое «сучье», когда беспокойно как-то тебе. Вот-вот, так и сейчас. Чувствую, говнецом пахнет каким-то чужим. Засада... С вами так бывает? А вот со мной часто. Как будто весь Евросоюз нацелил все свои боеголовки на мою скромную пушистую задницу в самое яблочко. Пустил сизый дым, закурил. Очень интересно... А хочется заглянуть в свёрток, аж зуд в одном месте. Рука на автомате сама тянется к третьему стакану. «Мышечная память называется». Не зря же Бог троицу любит, а я чем хуже? Махнул. Докурил. Взял свёрток. Оглянулся, никого нет. Развернул куль, тупо посмотрел. Кожаный кошелек, крепкий, видно, очень старый. Золотыми нитками по центру вышит парящий орёл на фоне синего круга. Мысли заполнили голову, я уже начал сомневаться в этой реальности. Появилось такое лёгкое, еле уловимое чувство, что я начал уверенно сходить с ума. Стремительным потоком в моё больное воображение возвратились вечерние события.

А я фантазёр!.. Обрывки ночного кошмара складывались в одну страшную для меня мозаику. Мне скоро медкомиссию ежегодную проходить в Гатчине, надо срочно заглянуть к

психиатру, хорошей тётке пожаловаться, давно уже пора. Слов нет, лишь одно маленькое – млять! А между тем я понемногу приходил в себя. Видимо, отпускаяло. Что мы имеем? А имеем мы вот что. Водка «Русский Стандарт», не моя, одна штука. Колбаса «Краковская», не моя, две штуки. Стакан огуречного холодного рассола, тоже не мой. Да и стакан не мой. . . Вывод напрашивается сам собой. Кто-то хозяйничал тут без меня, пока я был в кратковременном отпуске. А неприятно как-то, осадочек нехороший на душе. Я развязал кошель, заглянул. Внутри что-то есть. Аккуратно выложил это на стол. Две серебряные монетки с дырочками, просверленными ровно по центру. Какие-то непонятные символы. Вроде птица хищная, но не герб РФ. Непонятно. . . Через отверстие продет кожаный плетёный шнурок. Понюхал, подёргал, сырмятина, на таком и удавиться можно, не порвётся. Серебряшки на вес довольно увесистые, я подкинул одну на ладони.

– Это тебе! – неожиданно раздался сзади скрипучий голос. Бог ты мой! Я подпрыгнул и случайно дёрнул рукой, зацепив стакан на столе, который перевернулся. Хорошо хоть, пустой! Я почувствовал себя нашкодившим школьником, которого застали за онанизмом. Аккуратно отодвинул монетки от себя. Не мои. . . Мама учила, что по чужим кошелям лазить нельзя. И при этом сильно била по моим гадким рукам. А кто из нас в детстве был паинькой?..

– Д-р-а-с-ь-т-е вам! – учтиво кивнул незнакомцу и постарался, как мог в этой ситуации, сделать умное лицо. Принялся разглядывать мужичка.

– И тебе не хворать, – незваный гость как-то по-хозяйски прошёл мимо, приблизился к моей палатке, достал пару сухих поленьев и подбросил их в тлеющий костёр. Потянулся до хруста костей, приподнял шапку-ушанку, почесал косматую гриву, торчащую на затылке, словно клочок сухой соломы. Присел напротив на пенёк, видимо, съест пирожок, бесцеремонно разглядывая меня. Во как! Я тоже присел и занялся тем же. Значит, сидим. Молчим. Старенькая шапка-ушанка с торчащим одним ухом, старая советская телогреечка, кирзовые жамканые полусапожки, тщательно промазанные мастикой. А вот штаны его явно выбивались из этого образа сороковых: боковые карманы на липучках, задние – на молнии, камуфляжного цвета. Словно прочитав мои мысли, дедок пригладил свою курчавую бороду, торчащую, словно штыковая лопата, вперёд и огрызнулся:

– В чём удобно, в том и хожу!.. – уперев в меня недобрый взгляд, скрипнул мужик.

– Да ходи, дедуля, в чём хочешь, на здоровье! Мне-то что до тебя? – огрызнулся я вслед.

– Какой я тебе дедуля?! – взъелся гном.

– А кто ты?.. – озадачил я его парирующим вопросом.

– Кузьмой зови! – ответил мужичок, махнул рукой и как-то сразу расслабился, отводя телячий взгляд.

– А меня Серёгой! – Из-за его чёрной поросли рта не было видно. Лишь торчал огромный нос, который был похож на большую картошку, почти как у меня. «Может, он брат?» Глубоко посаженные глаза, как у телёнка, минут пять внимательно изучали мой помятый божественный образ. Впрочем, чем и я занимался. Мужик Кузьма ростом был невелик, может, метра полтора, чуть больше. Только вот его походка, какая-то она вальжная, как у депутата Госдумы, что-то в ней не так, не как у всех. Я не мог понять. Глаз цепляет. Ходит так, словно яйца растёт. Муж могучий, а с виду хмырь деревенский.

Наконец он, видимо, устал играть в гляделки или увидел все, что хотел, и недовольно заскрипел.

– Ну и наделал ты шуму вчера! – уже более миролюбиво сочувственно проворчал этот лиходея.

– Какого шума?.. – не сразу понял я. – Где наделал?.. – И закрутил головой. Что, опять менты?..

– А такого, разь не помнишь?..

– Не-а... – покачал я головой.

Я такой! Хрен признаюсь когда, даже если и помню!

– Не помню. Амнезия у меня! – ответил я Кузьме утвердительно. И точка!

Да и как-то вчерашний день вообще смутно прорисовывался. Наверное, перегрелся я на солнышке. Ночные кошмары никуда не делись. Но не рассказывать же первому встречному о том, что я у мамы дурачок. Последнее время сны стали совсем уж донимать. «Наверное, затяжное половое созревание». Я из-за этого, можно сказать, и отпуск взял, побухаю, думаю, на природе, может, отпустит. Отрицательно помотал головой, мельком глянул на пустую тару. Кузьма, видимо, перехватил мой взгляд.

– Не к месту тебе, Серёга, сейчас столько водки жрать. Уматывать нам с тобой надо, да побыстрее, и чем дальше, тем для тебя лучше. После того шороха, что ты навёл в озере, столько гостей незваных побегится, тьма! И заметь, половина из них захотят тебя подвергнуть самой лютой смерти. От самого Великого Новгорода до Господина Пскова, оповещена вся нечисть в радиусе пятисот километров в округе! – Кузьма беспокойно заёрзал, утерев рукавом мясистый нос. А я, видно, нашёл себе соседа по тихой белой палате! Какая радость... новый собеседник. А то всё сам да сам.

– Какая нечисть, Кузьма, ты что говоришь такое?! – опомнился я. – Мы её раз в четыре года сами выбираем. Откуда она тут? Она вся там! – и я махнул рукой в неопределённом направлении. «Не буду разглашать секретные координаты большой концентрации нечисти в нашем горе-государстве».

– Кукуня! Уходить пора, ирод. Кукуня, мерзавец! Где ты? – мужик стал озираться и громко какого-то звать.

– Кузьма, да что происходит? Ты толком объяснить можешь?.. – просто шизею с этих дураков. Видно, «дурочка» не только по мне плачет. Я всегда подозревал, что нас много в России...

– Могу, но не сейчас. Сейчас, Серёг, тикать надо, и быстро! – Кузьма ловко подскочил и заметался по территории лагеря, как сказочный гном. Подбежал ко мне, взял со стола монетки, понюхал и одну убрал в старый кошель. Протягивая вторую мне. – Набрось!

Я тоже на всякий случай понюхал серебрушку, лизнул. С сумасшедшими спорить бесполезно, а если встретились два дурака, вообще труба, и я накинул на шею веревочку, на которой болталась старинная монета, – с меня не убудет, а ему прибавит.

– Это оберег, для отвода глаз, – пояснил Кузьма.

– Угу, – поддакнул я этому лесному белорусскому партизану.

– Кукуня, беличье племя! Где ты?! Сучий выводок!

По тропинке со стороны озера, видимо, бежал тот самый Кукуня. В зубах у него болталась здоровенная жирная краснопёрка. Похоже, она была вытащена пушистым воришкой из моего садка. Такого огромного хорька я ещё не видел в своей никчёмной жизни. Хорёк-киборг! Не знаю... каким биоговном он его кормит? Но Хорёк огромен!

– Кому что, а вшивому баня! Лишь бы пожрать, прорва – ругался он. – А ну давай делом займись, вон палатку разбери, а то русалкам на корм быстро пойдёшь. Вымя телячье! – Кузьма притопнул ногой и быстро всё сгреб со стола в мешок. – А ты что сидишь, дурень, давай помогай!

– Это ты сейчас с кем разговариваешь?.. – уточнил я у сумасшедшего.

От всего происходящего я вообще впал в протрацию. От слова «русалка!», словно по щелчку, в моей памяти стали всплывать страшные образы. Бог ты мой... Это же всё Явь! Или нет! Я уже стал путаться. Мне сделалось нехорошо. Я даже замотал головой, стараясь сбросить это наваждение. Блин... и факел, глянь, возле костра лежит, только заметил. Трындец! Не до конца всё осознав и придя в себя, я поддался суматохе и панике этого полоумного дедули и его рыжего питомца. И ведь не я сам, а чёрт меня дёрнул тогда пойти на это безумие, которое впоследствии перевернёт всю мою оставшуюся жизнь с ног на уши!

Дорогие японские спиннинги я кинул в тубус. Тем временем хорёк заскочил в палатку, и она стала заваливаться на бок, что он там делал, одному богу известно... Но палатка сложилась! Управившись там, он выскочил из неё и стал вытаскивать кольшки, вцепившись в них своими острыми белоснежными зубами. Ай да Кукуня! Ай да молодец! Не зря, видимо, хлеб свой у Кузьмы ест. Подойдя к берегу, я вытащил свой садок, покосился на густой камыш. Но там никого не было. Пока Кузьма не видит, перекрестился и на всякий случай плюнул три раза через плечо. Ведь что-то должно помочь. – И-з-ы-д-и... – прошептал я в зелёную раскачивающуюся на ветру листву. «Впоследствии я понял, что ни хера это не помогает». Есть лишь один заговор против демонов Нави. Мой меч – твоя голова с плеч! Остальное – всего лишь ложный вброс дезинформации. Как говорят, на войне все средства хороши.

Я поднялся к лагерю, стал складывать палатку. Пока занимался хоть каким-то делом, обдумывал ситуацию. А это была ситуация. Итак, мучившие ночные кошмары оказались ну очень уж реальными. Картина Репина за последние сутки сложилась окончательно. И я всё понял! Всё встало на свои места. Я лежу, привязанный к кровати белыми полотенцами добрым, умным санитаром, в большой уютной палате. Больше ничего хорошего в голову мою не пришло. И даже та прекрасная незнакомка, с белой прядью, я прикрыл глаза и сразу же почувствовал в груди острую сердечную тоску, «я словно старый пес, который ждёт своего любимого и обожаемого хозяина», сразу вспомнил такой для меня родной запах. Моё больное, к сожалению, воображение. Накатило... Вот почему так, только всё стало налаживаться, и тут на тебе, ушат холодной воды на голову. Раз, и ты весь в помоях! Всё это моя больная фантазия виновата.

Пока я занимался мозгоблудием, Кузьма практически собрался. Схватил свой потрёпанный старый рюкзак, с которым дед на фронт уходил. Стал пытьеть и ворчать, сопя в две дырочки, развязывая тугие узелки, выхватил из него кисет и побежал, неестественно виляя жопой, на Гром-камень. Мне тоже стало интересно, и я, матерясь, отправился следом за блаженным. Забежав на камень, он стал усердно посыпать его махоркой. Хоть я и не видел её лет тридцать, но узнать ещё был в состоянии – по запаху. Тем временем Кузьма присел на корточки, достал из рюкзака карандаш, чем-то похожий на железный стержень. – Это свинец, – пояснил этот псих, старательно выводя узоры и какие-то непонятные для меня символы и руны на заросшей сизым мхом мега-плите.

– Кузьма, ты чего? Никак, демонов решил вызвать?! – это я пошутил так, остро. Я вообще юморист по жизни... – Ты ещё пентаграмму нарисуй! – хмыкнул и оскалился.

– А чего их вызывать? Они и сами появятся скоро, на кровь твою, – не отвлекаясь от своего, видимо, важного дела, на полном серьёзе ответил безумный дед. И так для него это прозвучало буднично, так просто, что я как-то сразу немного струхнул. Я всегда, скажем так, был в меру осторожный. «Трусоват чуть-чуть».

– Смажет твое пребывание на острове, – любуясь своим творением, проговорил он, – а там и успеем из эпицентра выскочить, – наверно... – уже совсем неуверенно добавил Кузьма и почесал тыковку через шапку.

– Так это что ж, всё из-за моей крови?.. – сразу сообразил и напрягся я. «Откуда он знает?»

– А из-за чего же ещё?! – удивился тот. – Вся нежить в радиусе пятисот километров знает, что ты инициировался в этом мире. Ты хоть раз, когда купался на речке или озере, резался? – Он убрал карандаш и кисет в свой потрёпанный рюкзак. Я напряг свою девичью память и постарался вспомнить бурную деревенскую молодость.

– Да вроде нет, что-то не припоминаю. Проносило как-то всегда. Вот друзья по пьяни, эти да. Каждый раз в обязательном порядке кто-нибудь ногу о склянку пропорет. Кровищи, как с того кабана. А я как-то нет, никогда. По крайней мере, не помню.

Где-то со стороны города раздался тяжёлый гул вертолёта.

– Надо поторапливаться! – Кузьма схватил рюкзак и стал вприпрыжку спускаться с горы к берегу озера. – За мной! – он махнул рукой.

Гружёный как альпинист, я стал быстро перебирать ногами следом за ним. На другой стороне острова в камышах стояла довольно ржавая казанка. Корято, конечно, а вот японский движок был, скорей всего, новый. Покидав в лодку вещи, Кузьма оглянулся.

– Кукуня! Ты где, стервец? Шельма такая... – Стервец быстро прыгал по тропинке с камня на камень, не расставаясь со своей краснопёркой, хвост которой всё время путался у него под лапами. Кукуня быстро запрыгнул на корму лодки и бухнулся на дно, наконец с облегчением выпустив рыбку из пасти. Кузьма завёл движок «Ямахи». И дал по газам. Лодка приподняла нос и стремительно стала набирать обороты. Движок взвыл, поднимая волну. Лодка стала резко поворачивать за ближайший остров. Скинув обороты, Кузьма взял бинокль и стал тщательно рассматривать голубое чистое от облаков небо.

– Военные! – тёмно-зелёный вертолёт петлёй заходил над моим островом, это я и сам видел, не веря глазам. Чувствую, братцы, вляпался куда-то, а куда, пока не знаю. Интуиция моя прям чешется, свербит, я заёрзал на скамье, чтобы хоть немного её успокоить.

– О-о-очень плохо! Видно, святая инквизиция, – Кузьма кивнул в сторону удаляющегося гула вертолёта. Я сидел и только хлопал глазами, не веря им, поглядывая то на этого сумасшедшего, то на голубое небо и тёмно-зелёный вертолёт. Ждал говно, вот и оно...

– Эх, – горько вздохнул Кузьма, – расшурудил ты, Серёга, змеиное гнездо! – он добавил немного оборотов на «японце», чтобы из-за соседнего острова нас не было видно воякам. Ни фига я в дурдом попал! Такого просто не может быть, мне это снится... Мне, так сказать, всегда странные сны снятся, можно сказать, явные. Я не только чувствую свежий ветер или запах цветов. Но и чувствую эмоции или переживания, мои сны – это реальность, только другая. Я так же, как и здесь, испытываю боль и ощущаю вкус к жизни, словно это моя вторая сущность. Иногда после них я чувствую на губах вкус морской воды или запах Алтайских трав. Проснувшись утром, где явь, а где навь, я не всегда понимаю. Мне кажется, что я живу по-настоящему там, а тут лишь какая-то запечатанная матрица. И всё же, если это сон. Что я теряю? Ровным счётом ничего... Гул вертолёта стал нарастать. Доктор сказал в дурдом, значит, в дурдом.

– Спиралью от острова пошёл! – Кузьма указал рукой в сторону военного вертолёта. – Выкусите! – он скрутил небольшую волосатую дулю и ткнул в сторону железной птицы. – Не на того нарвались. Что я, зря там раком корячился?.. – и он радостно, как-то даже по-детски мне подмигнул. А у меня стало портиться настроение. Совсем!

– Теперь им в радиусе пятнадцати километров по островам всех рыбаков отловить надо, да туристов перетрясти, работы не на один день, – он крутанул ручку газа. «Японец» запел, захлёбываясь водой.

– А как же моя лодка? Кузьма! – выкрикнул я сквозь рёв мотора. – Я её в аренду взял на десять дней. Да паспорт в залог оставил, – брызги волной обдали лицо.

– Пустое это! – сумасшедший дед лишь отмахнулся. – Жизнь твоя, Серёга, закончилась! А новая только начинается! Красочная! – крикнул он через плечо и направил лодку вдоль зелёного камыша, стараясь не выходить на открытую воду озера Вуокса.

– Я эпицентр смыл! – светясь, как медный пятак, прокричал Кузьма. – А если точнее, стёр... – И этот таинственный незнакомец первый раз улыбнулся мне, показав свои белоснежные зубы. Только мне показалось, или у него и впрямь небольшие клыки?.. Меня всего передёрнуло. У дедули в деревне, видимо, хороший стоматолог.

Дед Мазай, видно, знал хорошо эту местность и уверенно двигался по камышам, петляя, словно заяц, замечая следы между небольшими островами. Нашупав свою серебряную монету, он глянул на меня.

– На тебе? – выкрикнул Кузьма. Я кивнул. – Не снимай, – поддал газу, лодка проскочила между камышом, торчащим из воды, и выпирающим скалистым уступом острова.

– Оберег преобразует твоё энергетическое тело в другую структуру. И теперь мы для всех святых простые люди...

Слова «для всех святых простые люди» меня немного насторожили. Я косо посмотрел на Кузьму. Он ещё раз одарил меня своей бородатой улыбкой. Смотрит на меня и как собака скалитися, зараза. А Кукуня тем временем лежал на дне лодки, раскинув свои лапы в разные стороны. Подставляя под лучи летнего солнца своё отвисшее брюхо. Сразу видно, мальчик. От моей краснопёрки осталась лишь объеденная голова. Вот кто время зазря не терял, так это Кукуня. Уважаю...

– Он всегда так, пузо своё набьёт и часик покомарит, – пояснил Кузьма.

– Да я и сам такой... – разглядывая довольного хорька, улыбнулся я горе-рыбаку. Кукуня во сне задёргал лапами, видимо, куда-то побежал.

– Часа через два будем на месте, – выкрикнул Кузьма, стараясь перекричать шум мотора, – скоро Кузнечное, там нас встретят! – И он упёр ручку газа до отказа. Как в одной знакомой для меня песне, «Дави на Г-а-а-а-з!» Я кайфанул и стал понемногу ловить кураж. Вот это драйв! Видимо, адреналин стал понемногу поступать в мою кровь. Просто кайф! Хоть и безумный...

Через пару часов мы пристали наконец к долгожданному берегу. На берегу стояла старенькая зелёная, изрядно грязная «Нива». Рядом мялся мужик, словно ссать хотел, в старых трениках и замызганной майке. Черной то ли от грязи, то ли от мазута.

– Вась! – крикнул Кузьма и махнул рукой. Вася быстренько подбежал к лодке и перехватил рюкзак деда.

– Непокойно тут как-то... – шепнул он ему на ухо. И кинул в мою сторону косой взгляд.

– Нормально, – ответил Кузьма. – Мы все этого ждали тысячи лет. – Дед оглянулся на меня и почесался, напоминая чем-то блохастую бездомную собаку. А мне становилось всё интереснее и интереснее.

– Кукуня, вперед! – Кузьма махнул рукой в сторону машины. Хорёк соскочил с лодки и как-то по-хозяйски отправился к открытой двери, виляя пушистым хвостом. Словно не хорёк, а хитрый рыжий лис.

– Василий! – мужик протянул мне мозолистую руку.

– Серый! – представился я.

– Серых мы любим... – как-то загадочно ответили мне.

Он взял сумку с моим непосильно нажитым рыбацким добром. Краем глаза я заметил на нём такую же монету, свисающую с шеи, как та, что дал мне Кузьма. Мужик был широк в плечах, словно кузнец. Гладко выбритое лицо и выпуклые глаза придавали ему какой-то своеобразный незабываемый французский шарм. Вот только рот мне показался немного великоватым, таким вареники хорошо есть. Быстренько всё упаковали в «Ниву», и мы стали рассказывать. Кукуня тем временем вскрыл в машине бардачок и вытащил оттуда пяти тысячную купюру. Перескочив на задние сиденья, он удовлетворённый улёгся, подмяв бумажку под себя.

– А ну, мерзавец блохастый, отдай! – Вася потянулся и забрал купюру у хорька. – И только попробуй мне насрать на сиденье! Вот же воришка хренов!

Я уселся сзади. Вася устроился за рулём, а вот Кузьма долго кряхтел рядом с ним, пригибая голову, но всё же уселся кое-как. Хозяин адского автопрома ударил по газам этой бедной старушки. А вот теперь ответь себе, Серёжа, на один вопрос: «И какого хера ты тут вообще делаешь?!»

Минут через пятнадцать неспешной езды водитель оглянулся и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Кузьмич, а может, нам всем пора познакомиться поближе? А то неудобно как-то перед Серёгой, – Василий глянул на меня в зеркало и весело подмигнул. Выруливая из посёлка, он снял свой клятый оберег. Млять! Млять! Млять! Мама, прости меня... Я не употребляю нарко-

тики, я не накуриваюсь, не ем грибы, просто по выходным бухаю со своими друзьями. Бывает, день, бывает, два, ну, три, слышите, ну грешу немного. И всё! Как все нормальные мужики в нашей стране. А тут такое... Срочно вызовите мне нарколога и психиатра, я согласен на весёлую клинику. Вечно со мной какое-то говно происходит! Я что, в прошлой жизни Гришку Распутина грохнул!? Так это не я! У меня железное алиби! Я шумно выдохнул. – Мать моя женщина, возьми меня обратно!

Передо мной за рулём отечественного автопрома, то есть задрипанной старой «Нивы», сидел самый настоящий серый орк. Твою ж мать!.. Орк, видимо, засмотрелся на мои выразительные эмоции, которые были написаны у меня на лице, машину вынесло на обочину, захватив колею, но Орк-Вася справился с управлением. Выпуклые рыбы глаза огненно-карего цвета, светло-серая кожа и неглупый взгляд. Орк смотрел на меня в зеркало заднего вида. Крупные, слегка выпирающие скулы, лысая голова и два торчащих из нижней челюсти белых клыка, а на мясистом лице круглый приплюснутый серый нос. Вот краткое описание этого Шрека. Чувствую себя одним весёлым персонажем.

– Вась! А мы уже приехали?.. – не удержался я от сарказма или с перепугу.

– Мир дому твоему, человек! – Орк махнул рукой, на которой пальцы были как сосиски, а ноготки словно у филина, только слегка подточены. Ну, правильно, в носу неудобно, поди, ковырять, так и мозг наколоть можно. Его нижняя губа сильно выпирала вперёд, надо бы пуговицу на лоб пришить, чтобы можно было её пристёгивать. Маленькие морщинки под глазами, которые весёлой змейкой спускались вниз, видимо, отражали натуру балагура. Так! Где тут дверь? Ладонь сама потянулась к ручке. Всем спасибо, всем пока! Дайте я, пожалуйста, выйду на остановке! Несмотря на то, что машина несётся под сотню. Извините, но мне это не мешает! Кузьма в открытую заржал, видя мою реакцию. Даже Кукуня чихнул и полез Василию в карман спортивного костюма. Пока Вася старался произвести на меня глубокое впечатление и лыбился во все свои четыре белых клыка в зеркало заднего вида, он ловко выудил из его кармана сотню и с чувством выполненного долга, довольный, улёгся на неё с головой. Вор, просто мелкий хитрый вор!

– А это Кузьмич, – он указал на сидящего рядом пассажира. – Можно просто Леший! Хозяин этих лесов и болот, – закончил он и утёр соплю. Кузьмич ехидно растянул бородатую губу, блеснув зубами. Орк, глядя на мою реакцию, видно, просто ловил оргазм, сволочь такая!

– Представитель гордого человечества! – не растерявшись, заявил я, приподняв бейсболку. – Д-р-а-с-т-и вам! Я так, на всякий случай, у меня друг в «Гринписе» работает, и мы с ним после пикника всегда в лесу за собой пустые бутылки убираем и костры тушим.

Ещё пару часов назад я был совершенно нормальным человеком, уроженцем Ставропольского края, города Изобильного. В данный момент проживающим в Санкт-Петербурге. А сейчас я лечу на старенькой «Ниве» где-то по ухабам в сторону финской границы. За рулём которой сидит серый орк и рядом его товарищ леший. Надеюсь, они меня везут в больницу.

– Можно, я оберег снимать не буду?! – Кузьмич-леший внимательно посмотрел мне в глаза.

Я кивнул, что уж там, не надо. Убедил... Мне и так за эти сутки впечатлений хватило с лихвой. Сажу, молчу и не жужжу. Делаю вид, что интересуюсь лесным пейзажем. А лес становился всё гуще и гуще.

Выскочив из Кузнечного, мы битый час неслись по незнакомой мне трассе. Старенькая «Нива» аж подвывала мостами. Впереди замаячили машины ДПС. Василий шустро накинул серебришку и сбросил обороты. Всеми «любимый и долгожданный» сотрудник в синей фуражке махнул своей полосатой палочкой. Вася прижался к обочине.

– Инспектор полиции старший лейтенант Александр Малышев! – представился он. – Ваши документы, – и он протянул руку к окну. Вася с Кузьмой переглянулись.

– Сашко, здорово! – Кузьма махнул сотруднику рукой.

– О, Кузьмич! Ты, чо ли? – инспектор сразу же расслабился и заулыбался. Было видно, что он рад встрече с Кузьмой.

– Как здоровье бабки Натальи? – Кузьмич поправил свою шапку, сдвинув её на затылок. Тоже мне, Есаул ссаный нашёлся!

– После твоей мази, Кузьмич, бегают как молодуха, хоть мужика подавай. Боль в суставах как рукой сняло! – и Сашка как-то по-детски по-доброму засмеялся.

– Ты это, – продолжил Кузьмич. – На следующей неделе подскочи к Прохору, я ему ещё передам горшок с травами. Александр Малышев довольно закивал головой.

– И это, слышал, женишься, Санёк? Поздравляю! Поздравляю! Я тебе там кое-какой травки пособираю, ну так, на всякий, естественно, случай, вдруг впереди брачная ночь, а ты перенервничал или перепил, будешь в чай добавлять, можно и невесте капнуть, но смотри, чуть-чуть, – ехидно предупредил он Сашку. – От меня подарок вам. В этом году ебун-травка очень крепка. Обычно такое бывает к войне... – Уже намного тише добавил леший. Кузьма на минуту задумался, потом подмигнул своему старому знакомому. – Можно и в отпуск медовый не ездить, будет, чем на сеновале по ночам упражняться. Да и с большой пользой для всех...

– Кузьмич, да я с тобой не рассчитаюсь... – пропыхтел застенчиво Малышев.

– Ничего, на том свете сочтемся, – добродушно ответил чокнутый дед. – Плодитесь и множьтесь! Может, пригодится... – совсем уж шёпотом добавил новоявленный хозяин болот. Но я услышал. Мне хватило. И стало даже немного жутко.

– Хорошо, Кузьмич. Договорились! – и Малышев заглянул в окошко машины. – А это кто?.. – он кивнул на меня. – Опять туристы да рыболовы из Москвы? – Василия он, видимо, поверхностно знал и просто ему уважительно кивнул.

– Они, Сашка, родимые... Куда ж без них? А самих-то чего в такую глухомань определили? Случилось чего? Или как всегда... – Кузьма не отставал от сотрудника полиции.

– Так это, план «Перехват» с раннего утра объявили. Всех приезжих велено задерживать и до отдела сопровождать. Совсем с жиру бесятся! Торчи теперь сутки тут, – он внимательно посмотрел на меня. Я заелозил тубусом со снастями и поправил камуфляжную бейсболку. Видимо, это его убедило в том, что я «свой в доску турист» и подозрения у него не вызываю никакого. Он успокоился.

– Ты это... Кузьмич! Если чего, мы вас не видели, а вы нас! – он ещё раз окинул всех взглядом, поправил сползающий с плеча автомат и махнул рукой стоящим недалеко двум полосатым автомобилям. Те ему в знак согласия моргнули фарами.

– Само собой! И тебе не хворать! – ответил Кузьма. – Бабке Наталье передавай привет!

Лейтенант отошёл с дороги, пропуская одинокую «Ниву», которая медленно поползла в тёмный бархатный дремучий лес. Орк утёр пот со лба.

– Мать-перемать! Я думал, инквизитор... – Васька облегчённо вздохнул. – Фу-ух, пронесло! Если бы хоть один попался, выжег бы до пепла в радиусе километра и нас, и ментов, и лес к чёртовой матери, всё под самый корень. Никого не щадят, суки! Только пепел серый остался бы после нас, да и тот ветром развеяло, – Васька развернулся ко мне своим мясистым лицом.

– Или ты, Серёг, думаешь, тайга сама в Сибири в разных местах ни с того ни с чего горит?.. – он вопросительно посмотрел мне в глаза. – Нет, Серёга, это святая инквизиция работает. По таким, как мы. И теперь ты! – он ткнул в меня палец.

Что я мог сказать этому малознакомому орку в ответ? Просто пожал плечами, не знаю, мол, я не инквизитор святой русской церкви.

– На дорогу смотри, балабол-затейник! – Леший развернулся и посмотрел мне в глаза.

– Ну а теперь, Серёга, домой! – и Кузьма мне премило улыбнулся, сверкнув белоснежным клыком. – Не ссы, самое страшное позади. Скоро дом!

Машина недовольно заурчала, стала сползать с трассы на разбитую, незаметную лесную грунтовку. Ага, думаю, а что-то мне подсказывает, что самое страшное для меня только начинается. Млять... штаны к жопе прилипли и ссать очень охота. Скоро лопну!

Глава 3. Дом Кузьмича

Ехали мы до самого позднего вечера, растрясло так, что почки отваливаются. По какой глухомани мы только не пробирались к лешему-Кузьмичу. Два раза пришлось вытаскивать «Ниву» из глубокой канавы. Три раза форсировали неглубокие лесные речки да вытаскивали эту бедную старушку из огромных ям и непролазных оврагов. Кстати, вела она себя довольно прилично. Жужжала, где-то чего-то гремело, но мы доехали без особых проблем. Хорошо, Васька-орк действительно силен в руках оказался, да и Кузьмич не подвёл. К тому же Василий и балабол оказался тот ещё, всю дорогу рот не закрывался. Оказывается, он недалеко от Кузьмича жил, ну как недалеко, для нашей Матушки-Руси совсем близко, в малой деревеньке неподалёку, которая затерялась где-то между лесных просторов бескрайней страны и многочисленных мелких рек. Имеет жену и двух орчат. Старшая дочь Машка уже в школу ходит, их из деревни на автобусе специально в район возят, ибо деревня своего учебного заведения не имеет. А младший Колька дома ошивается, под ногами у всех путается. С матерью своей в город иногда ездит, если она, конечно, возьмёт сорванца. Больно шкодливый. Галина в городе поваром работает, в школе.

Я удивился. Васька ткнул в свой кулон на груди толстым пальцем.

– У нас у всех такие! – пояснил он неразумному, то есть мне. Да я и сам понял, что в деревне все знают, что это семья орков, и в ней не одни серые живут, есть и другие народности. Он имел в виду не совсем людей. Просто интернационал какой-то, никто никому не мешает жить, никто никого не обижает и в чужие дела свой длинный нос не суёт. Чужаков там нет, так и ходят многие без кулонов – и люди, и нелюди. Эх, велика Россия-матушка! Даже уже не удивляюсь, как-то всегда подозревал, что мы не одни в этом мире. А наши учёные всё спорят. Есть жизнь на Марсе, нет жизни на Марсе. И, спрашивается? Хера нам до этого Марса? А тут вон вам, бегают по улице орчата и не стесняются, и наши, и ваши, все до кучи в одной луже мазюкаются. А по телевизору народ за дураков держат. Ан нет, народ не дурак, всё видит, всё примечает. Нет, дураков, конечно, хватает, не без этого. Но в основном масса-то вся нормальная. Где-то в небе НЛО засняли на телефон, под Екатеринбургом, а его сразу на смех и какашками в него. На тебе! Народ, видно, и помалкивает, кому охота посмешищем быть на всю страну, да и на учёте в больничке стоять. Вот... Так что моё мировоззрение стало немного меняться с этой поездкой. Старушка наконец подъехала к небольшому срубам. Ну как небольшому. Как всегда...

– Вот и дома! – Кузьмич хлопнул в ладони и довольно хохотнул. Кукуня молнией выскочил из автотранспорта и куда-то сразу умотал по своим рыжим делам. Распаковавшись, я огляделся. А ничего так, мне нравится. Вокруг дома огромные вековые ели, а воздух какой, не надышишься, аж густой. Тишина... только филин где-то на соседней ели ухнул. Сразу же чувствуешь себя в другом мире, в каком-то тягучем и древнем, как само время, запах хвои даже на языке чувствуется. Просто мечта охотника или туриста. Кузьмич обещал хорошую рыбалку, окунь у них, говорит, во какой! Как крокодил... В общем, как я понял, мы в глубокой Карелии. Вот и сбылась, Серёга, твоя мечта, мечта... идиота.

– Кузьмич, жрать охота! – первым не выдержал серый орк.

– В погребе возьми, там должны молодого ягнёнка принести, – Кузьмич как-то даже расправил плечи, сразу видно, дома хозяин. Кинув рюкзак на крыльцо, он развернулся довольным лицом ко мне.

– Ну вот, это и есть житьё простого российского лешего! Располагайся, будь как дома, – и он указал рукой на свою избушку.

Я скинул вещи на зелёную лужайку. Уже смеркалось. Васька метнулся в погреб за мясом, что-то там загремело и упало, раздался глухой удар головой о балку. Только звон пошёл. Серый орк выругался.

– Кузьмич, где свет? – зло раздалось из погреба.

– Сейчас! – Леший пошёл в стоящий рядом довольно вместительный амбар. А я стал осматриваться. Перед крыльцом была аккуратная лужайка, хоть босиком ходи, и домик ничего, небольшой, в два этажа, а симпатичный, чем-то напоминает теремок, в русском стиле. Я хмыкнул. Между четырёх сосен стояла большая резная беседка с навесом, сделано, видно, тоже под старину, человек, наверное, на десять. «Ого!» – думаю. А гости-то, видно, бывают у хозяина. Уютно сложенная русская печь, и там же рядом мангал стоит. Плюшки вам, ватрушки, как у нас лешие живут в России, неплохо, неплохо. Васька тащил алюминиевый тазик с мясом к беседке. Энергично маша мне рукой.

– Серёга... Айда помогать! А то так жрать охота, что переночевать негде, весь день нежравши. – Орк вытащил откуда-то треногу и установил её над очагом, подвесив небольшой котёл. Ну как небольшой, литров на шестнадцать.

Тут по всей территории загорелись электрические огни. Кузьмич завёл генератор. И сразу же стало на душе как-то веселее и спокойнее. Кстати, Васька ходил в своём истинном облике, и меня это уже ничуть не смущало. Даже наоборот. Надо же... Как-то я быстро стал привыкать к этому образу серого орка. Я пошёл к поленнице, набрал охапку дров и стал разводить над котлом огонь. Вечер и погода Карелии меня просто очаровали сегодня. Дрова весело потрескивали. Всегда чувствовал в этом какое-то магическое таинство, пламя словно удерживало взгляд, гипнотизируя его, чего-то шептало тебе, рассказывало. Маленькие жёлтые огоньки весело прыгали по сухому полену. Глянь на них, как скачут, как живые огневушки. Я увидел рядом стоящий пень и решил пододвинуть его поближе к очагу, чтобы присесть поудобнее и вытянуть уставшие за день ноги.

Всё произошло невероятно быстро! Я потянулся к нему руками, подтащил ближе к костру. И тут пень неожиданно ловко извернулся, вцепился в мои руки крепким шипастым хватом и громко заверещал, блымя зелёными глазами:

– У-у-у-у-у-у!

Я тоже, видно, с перепугу заорал во всё горло:

– А-а-а-а-а! – И чуть в штаны не наложил...

Пень крепко обвил мои руки и, видимо, попытался вырваться. А я не отпускал его, думая, что это деревянное агрессивное буратино напало на меня со злым умыслом. Так и голосили вдвоём: я и пень. Деревянный монстр обвил мою шею и крепко сжал. Тонкий грязный корень медленно полез в ноздрю. Я попытался скинуть эту ночную тварь в костёр и завалился набок, опуская исчадь ада в огонь.

– А-а-а-а! Э-э-э-э! У-у-у-у! Твою ж мать! – вопил я, пока не догадался оттолкнуть его, а он, видимо, меня. Я сразу прыгнул на лавку в беседке, уцепился за верхнюю балку, стараясь забраться на крышу повыше – подальше от этой злой деревяшки. А пень дал дёру, словно осьминог, в противоположную сторону, быстро прячась в темноте за деревом и помахивая палёной жопой.

– У-у-у! – обижено вопили из темноты.

– А-а-а! – я старался не отставать от лесного демона.

На наш шум и гам подбежали Кузьмич и Васька.

– Серёга, да это лесовик! – выпалил леший на бегу. Вот же гадский папа! Сердце билось, словно у воробья, а попка моя любимая стала такой узкой, иголку не просунешь. Я с трудом отцепился и присел на скамью, стараясь выровнять дыхание, судорожно хватая ртом воздух, держась рукой за сердце.

– Предупреждать, сволочи, надо! – рывкнул я Кузьмичу.

– Ну, извини, забыл... – леший присел рядом и развёл руками.

Вот за что я сразу зауважал орка, так это за то, что он не растерялся в трудную для меня минуту, и на столе, как по волшебству, появилась бутылка «Беленькой» и три полных стакана. Я молча махнул, не чокаясь с ними, занюхал рукавом куртки.

– Кузьмич! Знаешь что?.. – выдохнул я и поморщился. – А если бы я обосрался?! – зло посмотрел на него без всякой подоплёки. Леший виновато пожал плечами.

– Серёг! – вмешался в разговор Васька. – А я бы на твоём месте обосрался!.. – орк оскаллился и заржал, чем, видно, и разрядил гнетущую обстановку.

– Озеро недалеко, за лесом! Гы-гы-гы! – и он махнул рукой в его сторону. Вот же упыри клятые. Гы-гы-гы им! – Суки...

– Кого ты там ещё припрятал в лесу своём, Кузьмич? И какие вот такие сюрпризы меня в будущем ожидают?.. – я сердито уставился на лешего.

– Да особо никаких, – он развёл руками, – так, по мелочи... С Кукуней ты уже знаком, – я кивнул, – а это был наш Кулёма, лесовик. Маленький он ещё совсем. Мне его из-под Новосибирска мужики наши привезли, сирота он. Родители его год назад трагически погибли. Лес в Сибири у них там нещадно вырубает, вот и до их родной вотчины добрались мародёры. Так и схлестнулась с хозяевами заезжая китайская бригада лесорубов. Вот они полбригады и положили басурман. Ну и сами того, погибли они, сожгли их, бедных, как немецкие танки в сорок первом под Москвой, живём. Коктейль Молотова с бензином, делов-то для человека, как два пальца об асфальт. Да всё на глазах его. Вот и посуди сам. Он мал ещё, да, как дитя, любопытный. Видимо, на тебя решил посмотреть, интересно ему, подкрался незаметно. А ты его в огонь, он и испугался, бедолага, – Кузьмич всхлипнул и как-то с болью вздохнул. Даже весёлый Васька-орк притих.

А Кулёма подглядывал за нами из-за дерева своими круглыми зелёными глазами, и ротик у него стал овальный, как бублик. Вот же мать-природа даёт. На вид Кулёма – небольшой пенёк, с верхним гребнем, словно сильным ветром дерево переломило. Леший потом пояснил, что это у них вроде причёски такой, и чем этот хаер больше, тем для этого вида круче. Ну и тело их – это никакое не дерево, абсолютно, это обыкновенный хитин, а внутри все как у всех, пьём водичку, кушаем молодые побеги да корешки с листочками и потом какаем. А их внешний вид, ну что, природа наша и не такую маскировку давала другим видам жизни на планете.

– А я ж откуда знал?! – принялся я оправдываться. И на душе заскребли кошки, а потом ещё и кучу наложили – огромную такую. Сердце как-то сжалось, когда я поглядел на сиротку Кулёму. Вот же мы бываем скотами! Сижу тут, рядом серый орк, напротив леший, под ногами Кукуня вертится в поисках, чего бы стащить со стола. Из-за дерева сирота Кулёма выглядывает. А мне так хреново почему-то за нас, за всё разумное и прогрессивное ЧЕЛОВЕЧЕСТВО! Чувствую себя монстром каким-то, из такого рода-племени, как человек бездушный и беспощадный ко всему живому, даже к своему виду. Даже как-то стыдно стало... И кто из нас, спрашивается, четверых разумный?

Орк разлил ещё по одной, улавливая вибрации моей тонкой природы. Васька схватывал всё на лету. Мы в их глазах, наверное, чудовища безжалостные. Хотя все религии нам говорят: человек бессмертен, разумен, ибо у него есть душа. Стесняюсь теперь спросить их: где?! Вот и я о том же, о чём и вы, подумал, о ней, родимой, только и мыслим, но как минимум у половины человечества всё через эту... родимую...

– Да всё нормально, Серёга! – Кузьмич встал, подошёл и хлопнул меня по плечу, видимо, прочитав все мои унылые мысли, написанные на лице.

– Кулёма! Поди-ка сюда! Познакомься с дядькой! – и он поманил его пальцем. Кулёма моргнул зелёными глазами.

– У-у-у-у-у... – засопел он, но к лешему не пошёл. А боком, боком скрылся где-то в темноте. – У-у-у-у-у... – донеслось откуда-то из-за сосны.

– Ничего, пообвыкнется, – Кузьмич махнул рукой.

На крышу беседки что-то бухнулось, зацарапав по ней когтями.

– Ну, вот и последний наш дозорный явился, не запылится! – из ночи на стол упала небольшая пепельного цвета птица, напоследок ударила серым крылом и что-то проклекотала лешему.

– И я рад тебя видеть! – ответил он. – Познакомься, это Сергей, будет пока жить у нас, – Птица удивительно закивала и уставилась на меня умными жёлтыми глазами.

– Он приветствует тебя и очень рад встрече! – Кузьмич переводил с птичьего языка. – Это сыч, наша лесная разведка и глаза. Знакомься, это наш младший брат Филимон!

Я приподнял бейсболку.

– Привет чудо-птица!

Сыч, мне так показалось, гордо расправил пепельного цвета крылья и весело запрыгал на столе.

– Ух-ух-ух...

А я в тот вечер сидел и думал, удивлённо поглядывая то на сыча Филю, то на Кузьмича и на этот, в общем, удивительный и прекрасный мир, про который мы ни черта, оказывается, не знаем. Видно, мне придётся всё заново познавать и знакомиться с ним. Вот так все вместе под хорошо сваренное вкусное мясо и скоротали остаток вечера, плавно перетекшего в непроглядную густую тёплую Карельскую ночь. Филимона угостили сырым куском ягнатины, Кукуня сам стащил шмат варёного мяса. Только маленький Кулёма, всё время подглядывая за нами из темноты, так и не подошёл. И мы с Васькой и Кузьмичом неплохо посидели, распив бутылку. Ну, три... ну, четыре... После чего серый орк Василий, немного пошатываясь, собрался домой, сославшись на то, что злая орчиха Гала может и не понять его долгого отсутствия. И хоть у него среди всех серых орков России самая крепкая голова, всё же получить по ней скалкой или чугунной сковородкой ему очень неохота. Три раза прощались с Орком на посошок, пообещав приехать завтра к обеду, Васька сел в «Ниву» и, не знаю как, но уехал домой. Кузьмич выделил мне в доме на первом этаже старенький, но крепкий диван. Ну что ж, я, вымотанный вконец за этот тяжёлый день, упал на диван лешего. Может, хоть сегодня, тихой ночью высплюсь без своих приключений в мире грёз. Хватит впечатлений на сегодня. Спать... спать... и ещё раз спать.

Глава 4. Разговор с лешим

Чёртова зараза! Я отмахнулся и поморщился. Муха паскудно зажужжала, сделала петлю Нестерова и стала заходить на новый стратегический виток, как натовский бомбардировщик. Вот же сука! Как привяжется, пока не поднимет, не успокоится. Наверное, я очень красивый и сладкий, вот и прицепилась. Не зря же люди говорят, что они на это самое, на сладкое, садятся, так и на меня. Попадется одна такая зараза на весь дом, а спать никому не даст, я вздохнул и разлепил сонные глаза.

Утро было прекрасное и солнечное. Как ни странно, я чувствовал себя просто замечательно, можно сказать, бодрячком. Видимо, свежий воздух и хорошая закуска благоприятно повлияли на моё здоровье и самочувствие. Прощлёпав босиком по прохладному полу, я вышел из дома и потянулся. На крыльце стояли домашние резиновые сланцы, но, ребята, их так неохота было надевать! Словно я насилюю своё тело. Шагнул на зелёный бархатный ковёр. Ух ты! Прикрыл глаза, стоя босиком в сырой от утренней росы траве, – удовольствие, я вам скажу, умопомрачительное. Земля отдавала накопленное за все солнечные деньки материнское тепло. Я стоял и наслаждался её лаской, впитывая в себя энергию. Как нам этого не хватает в городе, мы словно дети нерадивые и косолапые, топчем её своими каблуками, всё топчем. А она вона какая, родная... только коснулся, а она уже на твой зов отозвалась.

Осмотрелся – никого нет. И присел Иван-царевич, а скорее, не царевич, на крыльцо и задумался. А подумать было о чём. Эх, судьба-судьбинушка, печаль-кручина. Последний день мне приоткрыл глаза на этот загадочный и удивительно глубокий, чуть-чуть таинственный затерянный мир. Я выкурил сигарету. Рядом с крыльцом стояла деревянная бочка, до краёв полная студёной дождевой водой. Подойдя, глянул на гладкое отражение. А я ещё ничего! Правда, на висках немного пробивается седина, но и сорок пять уже... Зелёные глаза смотрели на меня, чуть подрагивая. И нос немного картошкой, мамин. Рост где-то метр семьдесят. Невелик, но шустрый, просто жуть жуткая. А живот – это вообще моя прелесть. Мечта любой разведёнки. На него ноги удобно класть на диване, как на пуфик. Мда... Мужчина в самом расцвете сил. Я окатил лицо холодной водой. Постоял немного. Мало! И окунул буйну голову в этот рукотворный омут Кузьмича. Брр! Хорошо... Проняло сразу, разгоняя остатки липкого ночного сна. Кстати, сегодня приснилось что-то новенькое, мне с каждым разом всё больше хотелось остаться там, в том древнем и загадочном мире. А где все?... В беседке на столе стоял и пыхтел медный самовар.

– Чай сейчас на свежесобранных травах будем пить! – неожиданно раздался голос лешего.

– Господи! – подпрыгнул я. – Кузьмич, разве можно так пугать?! Это у тебя уже входит в дурную привычку...

Он ехидно улыбнулся и направился к резной беседке.

– Извини, это в крови, я же всё-таки леший... – он аккуратно стал подкладывать щепки в самовар, надувая щеки, словно в кузне меха, распаяя тлеющий огонь. Под ногами всё время путался хитрый Кукуня, словно мартовский кот. Кузьмич подставил пиалу под краник самовара и налил кипятка. Запах душистых луговых трав ударил в нос. Завтрак наш прошёл на ура, оладьи со сметаной и мёдом, всё это под малиновое варенье. М-м-м... вкуснотища какая, да с дымком! Кузьмич поел, хлопнул о своё сухое колено ладонью.

– А для тебя, Сергей, у меня особый отвар, – он потянулся за пиалой, заливая крутым кипятком из самовара коричневые корни. Протягивая посудину мне. – Пей! Надо понемногу приводить твой организм в порядок. Я молча взял пиалу и сделал глоток.

– Фу-у-у! Мерзость какая...

На вкус просто отвратительно, всё это очень терпко, аж язык вяжет. Утерев слезу, сплюнув тягучей слюной, я уставился на Кузьмича.

– И что это за х?..

– Да так... корешки кое-какие, – Кузьмич замялся, приподнял шапку и почесал макушку. – Для повышения жизненного, так сказать, тонуса и радости. – И он как ни в чём не бывало расплылся в своей белоснежной улыбке. Я осторожно глотнул. – Пей, не бойсь, не отравишься! Ток это... может, обосрёшься с непривычки чуток... Ну, это не у всех. У избранных...

– Мля-я-я... Радость, говоришь... – Он заулыбался и закивал, сучара. – Да мне вашего жизненного тонуса и так за прошедшие сутки хватило, аж до дрожи в коленях!..

Как бы это странно ни звучало, я сразу почувствовал облегчение. Ночной туман в моей голове прошёл окончательно, отступая куда-то на задворки сознания, словно я в отпуске месячном побывал. По всему телу разлилось приятное тепло, наполняя его какой-то детской радостью и мелкой дрожью. Я стал прислушиваться к своим ощущениям. Меня вдруг охватило желание вскочить из-за стола и совершить пробежку километра на три. А потом упасть где-нибудь под ёлкой и сдохнуть, у чёрта на куличках. А если быть точнее, у лешего... Я сделал ещё один глоток. Ощущение бодрости непередаваемое, кофе рядом не стоял. Вот так и спортсмены на допинг и подсаживаются. Ни фига себе энергетик, прямо мельдоний какой-то. Накопленную усталость за долгие серые будни Санкт-Петербурга как рукой сняло. Голова ясная, мысли чистые. Вот это да! Я косо посмотрел на Кузьму. Но в брюхе заурчало. Притравить решил скотина... А леший тихо сидел, смотрел на мою реакцию и только посмеивался.

– Корешки да травки – они всегда полезнее, чем ваша городская химия!

– Кто бы сомневался... – сумничал я. Он хмыкнул. Кукуня тем временем спёр со стола оладушек, хоть бы в сметану макнул, рыжая сволочь.

– Кузьмич! – начал я многозначительно, ещё сам не зная, как правильно сформулировать свой наболевший за эти сутки вопрос. – Может, ты прояснишь мне один интересный момент? То, что мы на земле не одни, я уже понял и видел. А вот что происходит?.. И зачем я вам нужен?.. Хотелось бы услышать. А то неизвестность меня очень сильно пугает и беспокоит, – я отхлебнул живительного отвара.

Кузьмич поморщился и на мгновение задумался, собираясь с мыслями.

– Ну так вот, Сергей, – начал свой долгий разговор леший, объясняя мне, рядовому, непосвящённому человеку тайны сего мира.

– Когда-то очень давно, многие тысячелетия назад, между светлыми и тёмными богами началась великая межгалактическая война. И имя ей – смерть. Из-за чего она началась, никто уже и не помнит, наверное, и сами боги позабыли. И она не закончилась для нас, а проходит чёрной волной по нашей планете. По всем прилегающим мирам, сметая всё на своём пути. Не только выкашивая проживающие тут народы, но и разрушая целые цивилизации, содружества, коалиции, империи, собирая свою кровавую жатву со всех прилегающих миров в нашей вселенной. Много кануло в небытие с тех пор, но война снова и снова возвращается, то разрушая этот мир великим потоком, то выжигая его горячим огнём. Лишь бледные тени остались от прежних процветающих народов. Великие предки не щадили ни себя, ни свои жизни ради этого мира, ради своих близких, ради дома и родных, вступая с тёмными в смертельную схватку. В схватку на ВЫЖИВАНИЕ! Ты видишь лишь малую часть её последствий. Пустыни – это выжженная земля, высохшие моря, ушедшие под морскую воду континенты. Стёрты целые цивилизации с лица земли, словно хлебные крошки, которые случайно смахнули со стола. И где теперь они? Остались лишь жалкие одичавшие. Или ты веришь, что тысячелетние памятники древних цивилизаций обезьяны построили?! – леший усмехнулся. – Оглянись вокруг, посмотри на всё под другим углом. Мы всего лишь мелкие мародёры, которые живут и радуются, собирая жалкие крохи нашего прежнего величия. Глупые мародёры! Мы как тот страус, который закопал в песок голову и ничего вокруг себя не хочет видеть. Но это не значит, что

угроза для нас миновала. Нет, рано или поздно к его жопе кто-нибудь незаметно подкрадется. Так и к нашей с тобой.

– Мир с нынешними технологиями до сих пор ничего путного построить не смог, всё для себя, всё за деньги, лишь бы нажива, а чего-то больше нам пока слабо. А вот ткнёт Чернобог своим пальцем в землю, или прыщ на носу у него выскочит – и рассыплется наш мир, как карточный домик, из-за одного его чиха. А знаешь почему? Потому что он ненастоящий. А построить что-то действительно великое для народа мир этот пока не может. Уровень у нас у всех не тот по сравнению с далёкими предками. Мировоззрение у нас уже давно не такое. Мы как падальщики, пока доедаем то, что не успело догнить.

Со временем всё и без того сложное ещё усложнилось. Многие тёмные, которые нашли тут свой дом, перешли на сторону светлых богов. А многие светлые переметнулись к тёмным. Всё смешалось, всё перепуталось в этом безумном мире. Пока боги выясняют отношения там, мы разбираемся тут, – Кузьмич замолчал, заёрзал, собираясь с мыслями. – А сейчас на земле вроде небольшого перемирия, война гроыхает на других территориях далёких миров, боги отошли на другие планеты нашей вселенной. И теперь у нас пока затишье, ни нам, ни тёмным лишняя кровь не нужна, все пока выжидают, мелко друг другу гадя. Вот так и живём... Война, словно цунами, то накатит, то отступит, чтобы набраться ярости и с новой силой повергнуть этот мир в кровавую пучину. А ведь древний мир наших предков был действительно велик. Это было сочетание величия и гармонии с самой матерью-природой. А сейчас что? Мы только засрали этот мир, словно мухи лампочку. Посмотри на наши города! Где наше величие? Срам один! Тьфу ты... – леший сплюнул. – Ну так вот, о чём это я, а, слушай. Видишь ли... – начал Кузьма. – Наша история Земли – одна сплошная загадка. Мы даже толком не знаем, что было сто лет назад, я уж не говорю про тысячелетия. Но наши историки методично её копают, а тёмные с таким же успехом закапывают. Ведь правда не нужна никому. Даже простым жителям. У многих развязаны руки, проще и удобнее ничем себя не обременять. Зачем что-то менять? Но лишь немногие историки заметили одну закономерность. В самое трудное время для нашей земли, когда беда грозит гибелью целому роду людскому, появляется некий воин, который переламинает ход событий. Это не всегда именно витязь, бывает, появляется и хороший управленец, вроде царя, главное, он неординарный. В нашей истории множество таких примеров. Стали копать немного глубже, всё это дело анализировать и вот что накопили. Что в самом начале второй межгалактической войны между светлыми и тёмными богами жил один молодой вождь роду-племени святуров. И звали его в старых летописях Олегом.

Началась великая война... со всеми вытекающими, конечно, последствиями, кровью, болью и страданием умылись все, да юшкой своей. Слезами горючими матушка-земля залита, почитай, была вся, да и не только людскими. Многим народностям тогда досталось. Бабий вой стоял по всей земле. Что там случилось, доподлинно неизвестно уже никому, слишком долгие лета прошли. В сохранных летописях «Память народа» есть упоминания о князе Олеге, о том, что только ему удалось получить благословение светлых богов на их закате. Только он смог пройти со своей дружиной через орды тёмных тварей, прорвавшись в наш мир из Нави. Как он получил это благословение, неизвестно, но это случилось, – леший отхлебнул холодного травяного настоя, – судя по летописям, Олег бесследно пропал. Никто его больше ни живым, ни мёртвым не видел, ни его самого, ни его друзей. Некоторые считают, что второе его появление было в семь тысяч пятьсот двадцать восьмом году, за год до сотворения мира в Звёздном Храме. Когда шла война с людьми Чёрного Дракона и их защитниками, призванными в помощь из тёмного мира Пекла. В те далёкие времена на защиту земли своей, родных и близких, поднялись не только люди, но и те же тёмные, то есть нелюди, как вы иногда нас называете. Мир поделился на две части и погрузился во тьму. Плечом к плечу, защищая свой дом, бились люди и лешие, орки и оборотни, великаны и горные гномы, жители речные и духи лесные, даже светлые боги Прави сошлись врукопашную с Чёрным Владыкой. Пепел и огонь поднялся надо

всем горизонтом земли, запылало всё, даже то, что, кажется, не может гореть. Живые гибли тысячами, а то и десятками тысяч. Дым от погребальных костров затмил солнце на три месяца после этого ужасного сражения. Все встали в один ряд – что тёмные, что светлые, – защищая свой дом. Многие ушли в Ирий. Вот тогда и появился он и переломил ход событий, столкнувшись с их божеством – Черным Драконом. И отражён он в памяти народной как всадник на боевом коне со своим любимым копьём. Кстати, о его копье, есть легенда, что оно было выковано светлыми волхвами и мастерами кузнечного дела города Асгарда, эти звенья и связывают наши историки с Олегом. Оно уникальное, ковалось в одном экземпляре, такое было только у Олега. Но это легенда. И этот воин на разломе событий появляется в истории только с ним, и так же бесследно исчезает.

Леший замолчал и тяжело вздохнул.

– В третий раз он был замечен, как считает наш аналитический центр, совсем недавно. При объединении славянских родовых племён воедино. И знаем мы его из наших былин как князя Вещего Олега. И та же история заново, всё по кругу, откуда пришёл Олег и куда ушёл, никто толком не знает, только загадки одни. Но он опять изменил ход истории и объединил свои родовые племена, тем самым спас их от междоусобиц и братоубийства.

Леший замолчал, дав мне тем самым возможность всё это проглотить. И я глотал... Хлебнул еще бодрящих корешков, а уже не так и противно.

– Ну а я с какого боку припёка в этой мрачной истории?

Но что-то внутри меня подло ёкнуло, тут же вспомнился ночной сон и дракон водной стихии.

– А при том, – Кузьмич хлопнул ладонью по дубовому столу, тот загудел. – Ты же сам видел, что твоя кровь в ночь на Купалу сделала! – леший взъерепенился.

– Да погодь ты, Кузьмич, не гони лошадей, – я всё не мог понять, куда он подкову гнёт. – Не хочешь ли ты сказать, что я и есть тот самый Вещий Олег?!

Кузьмич как-то сразу притих.

– Не знаю... – леший замолчал и тяжело вздохнул. – Из тебя воин как из говна пуля. Извини. Сам в толк не возьму... То, что ты не он, вижу сам, не слепой. И также вижу в тебе благословение богов, тёмные всегда чувствуют его. Как так может быть, сам не пойму, хоть убей. Но ты! Кем бы ты ни был, – и он ткнул в меня своим пальцем, – и есть ставленник его.

– Млять... – только и смог вякнуть я, что первое пришло в голову. А леший наконец успокоился. Мы как-то дружно замолчали, думая каждый о своём. Лишь Кукуня чихнул и спрыгнул со стола, оставив нам недоеденный оладушек. Вот же прорва! Не знаю, сколько прошло времени, а мы всё сидели и молчали. Терять мне было нечего, может, дурачок-алхимик чего и прояснит. И я рассказал Кузьмичу о преследовавших меня ночных кошмарах, о сне, который видел сегодня ночью, об острове, откуда он меня вытащил, и о той ночи, когда встретил сероглазую на вековом Гром-Камне. В общем, рассказал всё, что меня беспокоило всю сознательную жизнь. Кузьмич слушал молча, не перебивал, лишь изредка подёргивался щекой. Он то набирал в лёгкие воздуха, то, шумно пыхтя, его выпускал, но выслушал мою исповедь до конца, словно церковный батюшка. Я бы даже психиатру столько не наговорил, а наговорил я на две с половиной клиники. Леший ни разу не вставил поперёк слова, хотя и было видно, что эмоции распирают его, и ему с большим трудом удаётся себя сдерживать. Я закончил рассказывать свои бредовые фантазии. Кузьмич молча поднялся, перешагнул через лавку, встал напротив меня и поклонился, прижав правую руку к сердцу. При этом с его уст слетело лишь одно слово.

– Князь, прости меня!.. – вымолвил он с каким-то почтением и придыханием.

– Кузьмич... ты что, с дуба рухнул?! – только и смог я выдавить. – Ты там, случаем, голоушкой нигде не ударился?.. – Дурачок-алхимик на моё возражение не отреагировал, словно

передо мной стоял столб. Лишь резким рывком сорвал с шеи серебрушку, при этом смотря мне прямо в глаза.

– Пора мне представиться перед тобой, князь! – его голос прогудел, словно раскат грома. – Как и полагается в моём древнем роду! – закончил он. А я вздрогнул. Глаза полезли на лоб, и мне даже показалось, что они сейчас вылезут из орбит. Я неровно дёрнулся назад и полетел спиной через лавку, больно ударившись о землю. Передо мной стояла огромная, двухметровая волосатая коричневая обезьяна!

– Ни хера себе! – прошептал я. И новоявленный князь пополз на четвереньках под стол, отодвигая в сторону вороватого Кукуню. – Подвинься! Можно я с тобой посижу?.. – донеслось откуда-то сверху, громыхнув среди ясного неба.

– Я леший Градомир, из племени йети, древнего рода Грома!

Трындец думаю, допился! Вот и белочка пришла... Хотя на белку несколько не похожа. Наверху замолчали, чего-то, видимо, ждали от нас в ответ. Я пнул мелкого зверька. – Это он с тобой разговаривает?.. Чего молчишь, – и я указал в сторону говорившего. – Если я нахожусь в сумасшедшем доме, то меня пора уже приводить в сознание. Передайте, пожалуйста, главврачу мои пожелания, если увидите, я согласен на лоботомию, только чтобы я не мучился, а лучше усыпите меня в какой-нибудь клинике, как бездомную больную собаку. Я документы подпишу. Но Кукуня, сволочь, на это не реагировал, лишь чистил свою рыжую шубку. Предатель!

Я выглянул из-под стола. Крепкие волосатые ноги стояли на том же месте и, видимо, не собирались никуда уходить.

– Может, уйдёт?! – обратился я к рыжему зверёнышу. – Твой же друг? – Кукуня только фыркнул. – Значит, не уйдёт... – сделал я неутешительный вывод. Понятно... Надо было выбираться из-под стола, а то князю как-то тут не место. Мои верноподданные могут неправильно понять. Я вздохнул и стал выползать из своего убежища. А леший всё так же стоял, прижав правую руку к сердцу. Я забрался на княжью лавку и отодвинулся на самый её край. Стал разглядывать новый облик Кузьмича, а точнее, косо посматривать на Градамира. Ростом он был, наверное, два с половиной метра. Огромен, конечно. Крепкий торс, такие же ноги и руки, и всё покрыто густой коричневой шерстью. Мощь и энергия из него так и прёт. Но вот его голова была совсем не похожа на обезьянью. Бугристая шея переходила скорее в бычью голову. Два аккуратных телячьих уха подрагивали на ветру, и огромная чёлка чуть выше глаз курчавилась, словно стальная проволока. А его огромные чёрные глаза выражали ум и холодное спокойствие, такой убьёт и не моргнёт. Вот только оскал у него был какой-то волчий, а нос собачий – чёрный и влажный. Из-под свисающих седых усов выглядывали внушительные белые клыки. Чудовище оскалилось. Это он, наверное, мне улыбнулся... Меня передёрнуло, и я, кажется, пукнул. – Ой!.. Сразу видно, хищник серьёзный...

– А я думал, лешие корешками питаются, мёдом диким, да пылью там всякой?! – случайно вырвалось из меня. «Блин, язык мой – враг мой!» – А тут вон оно как! – и я косо посмотрел на два белых внушительных клыка над седой бородой. «Ну всё, башку мою никчёмную точно отгрызёт сегодня!»

Леший ещё раз поклонился, сильно ударив себя в грудь.

– Рад служить тебе, князь, как и мои далёкие первопредки! Это для моего рода большая честь! – громыхнуло из его пасти. А ведь и впрямь голос словно раскат грома, родовитый ты наш!

– Уважаемый э-э-э... Градомир, а вы бы не могли, пожалуйста, не пугать меня?.. – провякал я этому монстру. – Не хотели бы вы вернуть привычный для меня облик? Вы в том первом виде для меня привычнее смотрите, а особенно тот ваш носик картошкой и добрые телячьи глазки. «Мягь, чего я несу, идиот! Ну всё, теперь точно сожрёт. А мы вчера точно козлятину ели?.. Или он, может, такого же болтливого где-то козла нашёл, как и я. А то даже Васька,

серый орк, на его фоне словно вошь против кузнечика». Монстр кивнул и стал надевать на себя серебрушку.

Издали послышалось знакомое ворчание старенькой «Нивы». Старушка, пытаясь, выползла на зелёный лужок, и из её открытой двери вывалились два маленьких орчонка. Один меньше другого. Весело щебеча, как воробьи, перегоняя друг друга, они подбежали к нам.

– Дядя Кузьмич! Мир твоему дому! – и они поклонились.

– И вашему дому мир! – пророкотало чудовище и ласково потрепало их огненного цвета шевелюры.

Орчата повернулись в мою сторону и тоже поздоровались.

– Здравствуйте! – вежливо кивнули мне.

– Здравствуйте! – ответил я им, вставляя отвалившуюся челюсть на место.

Ну что я вам могу сказать? Орчата как орчата, как у *всех*. В этом возрасте, вспомнил с улыбкой на губах своих детей, они для меня все *орки*. Чуть поменьше, видимо, был сам Колька, догадался я. Пацан шмыгнул носом и с детской непосредственностью стал разглядывать незнакомого дядю. Градомир, видимо, им был неинтересен, а вот я новое, неизвестное, лицо для них. Второй ребёнок – видимо, старшая дочь Маша, в нежно-зелёном сарафане в горошек, – уже более сдержанно оценивающим взглядом смотрела на меня, словно умудрённая жизненным опытом женщина. Две рыжие, аккуратно заплетённые косички спадали на её плечи. Лица орчат были просто усеяны веснушками. Задорные такие.

– Я вижу, вы уже познакомились! – раздался весёлый голос Васьки. Он шагал к нам упругой походкой, приветливо махая рукой.

– Угу... – издал я непонятный звук, вспоминая свой недавний позор, «труссы только постирать осталось после знакомства». Но промолчал.

– Я так и думал!.. Гы-гы-гы! – Васька ехидно ухмыльнулся – видимо, почувствовал мои внутренние переживания. – Я тоже, когда увидел первый раз его настоящий облик, чуть в штаны себе не наложил, – и он хохотнул, машинально потрогав то место, куда должен был наложить.

– Градомир! – он обратился к лешему. – Заканчивай людей пугать.

Тот поспешно накинул на себя кулон и снова превратился в неказистого мужичка по имени Кузьма. Ф-у-у, а я выдохнул. Прямо трансформер какой-то!

– Дядька Градомир! – подал голос маленький Колька, утирая рукавом рубашки зелёную соплю. – А где Кукуня? – пискнуло это чудо природы.

– Так тут был где-то шельмец! – отозвался Кузьмич, указывая рукой под стол. И Колька шустренько нырнул под него, как окунь в воду.

Кукуня, видимо, был знаком с этим сорванцом, выскочил из-под стола и бросился от Кольки наутёк во всю свою звериную прыть. Малой метнулся следом за ним так, что только пятки засверкали.

– Кукуня, стой! – кричал убегающий орчонок. – Стой, кому говорю...

– Бедный зверёк! Ему своих собак в деревне мало? – донёсся справа от меня чей-то приятный, мелодичный женский голос. Я оглянулся. Передо мной стояла довольно симпатичная женщина средних лет, карие глаза, приятная внешность, ничего особенного, одним словом, очень милая и, видно, хозяйственная. Просторное розовое платье и аккуратно повязанный на голове белый платок украшал её русую голову. Как-то всё это выглядело для меня по-настоящему, словно я в далёкое детство окунулся, в свою деревню. Прямо доярочка. Глядя на неё, глаз радуется.

– Галина, – представилась она, – князь... – сделала при этом многозначительную паузу, склонив голову, и кинула украдкой косой взгляд на Кузьмича. Тот еле заметно кивнул, всё так, мол...

– Это моя семья, – отозвался Васька и как-то даже вытянулся, словно рядовой перед сержантом.

Я не выдержал и психанул, подскакивая с лавки.

– Ну какой я вам князь?! У меня из всех достоинств – то, что пердеть громко могу! И то гимн Америки. – Раздувая ноздри от негодования, я сел на место. И народ не выдержал, заржал, даже Галина с дочерью Машкой отвернулись от своего князя и тихо посмеивались надо мной, убогим. Краем глаза я заметил, что на Гале висит такой же аккуратный кулон на золотой цепочке.

– Заладили: князь да князь, – буркнул я.

– А без своей челяди князю никак нельзя! – вставил Васька. – Галя займётся кухней! Кузьмич вроде хозяина и в одном лице твой, Серёг, телохранитель и опекун. Ну и я на подхвате, если чего, как верный твой оруженосец Санчо. Унести, принести, налить, подать. Красно солнышко ты наш... Гы-гы-гы!

Я обиженно раздул щёки, были бы сопли, выдул бы, наверное, огромный пузырь размером с Луну. Внимательно осмотрел собравшуюся компанию, то ли они и впрямь верят в то, что говорят, то ли тупо стебуются надо мной, блаженным. А ведь над дурачками смеяться – грех, всегда так было, их даже немцы не трогали.

Взгляд мой упал ещё на одного нового персонажа из этой компании.

– А это что за африканский пигмей?!

Пигмей метрового роста, с узелком на палке, перекинутой через плечо, чапал по зелёной лужайке, ворча себе что-то под длинный нос, направляясь на задворки дома лешего и не обращая ни на кого внимания.

– Это наш банник, Федот, – пояснил Васька. – А как же без него? Красно солнышко! – и наглая серая морда расплылась в ехидной улыбке, сверкнув при этом клыками.

Понемногу выходя из транса, в который меня ввёл леший своим перевозванным обликом, я стал приходить в себя. Видно, моя нервная система включила определённую защиту. Чур, я в домике. Сынок и так у мамы дурачок. И я поймал даже какой-то азарт и подыграл орку.

– А почто домового нет? Почему только банник? Где стервец? – Я важно упёр руки в боки, втянул пузо как мог и выпятил грудь. Ну, чтобы хоть немного сравнять мышцы.

Васька сразу же сообразил и стал мне подыгрывать.

– Не вели казнить, княже! Вели слово молвить! – И он заговорщицки подмигнул мне, играя на публику. – Никак их вместе оставлять нельзя, иродов таких... Федот с Бахчой больно азартные. Всю ночь напролёт в танки взводом играют. А к утру бороды свои козы друг другу щиплют до крови. Такой ор и гам поднимают в округе, что житья от них, бешеных, всей деревне нет! – орк слегка поклонился.

– Ну, тогда ладно, – благосклонно согласился я. И поймал себя на мысли, что мне очень охота посмотреть на столь уважаемого домового Бахчу. А что я теряю? Клиника и так моя...

– После последнего инцидента они порознь в чуланах сидят, так сказать, под домашним арестом. А этого арестанта староста деревни выпустил, раз он князю понадобился. Но скажу вам, ваша светлость, банник он отменный. Как говорится, от бога, – серый орк разогнул спину.

– А староста кто в вашей деревне?! – удивился я. И тут же увидел на хитрой широкой морде ответ. – Ты что там, в деревне, самосуд устраиваешь?!

Васька пожал плечами.

– А мне что, князь, прикажешь на них ОМОН вызывать?! – и он хитро ухмыльнулся.

И моя нервная система не выдержала такой нагрузки, когда я постарался представить эту картину.

Два пигмея катаются по пыльной дороге, вцепившись друг другу в козы бороды, громко орут и дубасят дружку почём зря. А вызванный дежурный наряд ОМОНа старается их растащить: «Руки за спину, я сказал! Ноги на ширине плеч! Браслеты на домового! Да ловите его!»

Век свободы не видать!» Всё, думаю, тихо шифером шурша, крыша едет не спеша. Истерика моя была недолгой, минут десять. Придя в себя, увидел, что моё окружение само собой поне-многу рассосалось. Миловидная Галина со своей дочкой Машкой ушла на кухню Кузьмича. Васька чем-то стучал по любимому своему автомобилю, а Колька-индеец, вёрткий змей, старался хоть кого-нибудь изловить. Кукуня куда-то быстренько сделал лапы. Маленький Кулёма прикинулся ветошью на поленнице, старался сильно не отвечать, уже не так сильно пугаясь меня, а всё время держась как можно ближе. Вдруг пронесёт? А нет, не пронесло... В общем, все были при деле, выходит, кроме меня.

А передо мной сидел всё тот же Кузьмич и задумчиво почёсывал бороду.

– Успокоился, – как-то сочувственно сказал он. Я кивнул, утирая горькою слезу. – Мне надо по делам отъехать. А ты, Сергей, останешься с семьёй орков, – он почесался. Я теперь понимаю, почему он всё время так делает. «*Чтобы тебя блохи насмерть загрызли!*» – Надо бы кое с кем переговорить и посоветоваться. И он задумался на минуту. Как говорят, ушёл в себя, вернусь нескоро. Я тоже, глядя на него, задумался, хотя для меня это не свойственно. Кузьмич заёрзал на лавке: видно, тяжёлые мысли не давали ему покоя, словно рой пчёл.

– На тебе печать *его*. Но ты не Олег. *Как так?* – видимо, он размышлял вслух. А что я мог сказать? Лишь пожал плечами. – Вот и я не знаю. К тому же твоё появление как князя Мидгарда влечёт за собой большие перемены для всех нас. А обычно это всегда война. – Он замолчал.

Я слушал Кузьмича внимательно, но по этому поводу пояснить ничего не мог. Ибо я просто олух царя небесного...

– Ты проводник силы *его*. И только ты можешь благословить души погибших и отправить их в Ирий. Ты словно маяк на этой планете, искра *его* жизни. Пока ты тут, вся огромная многонациональная вселенная знает, что пока ещё этот мир не пал перед силами Пекла, пока этот мир ещё держится и не сломлен. Что жизнь планеты ещё теплится в лучах Ярила-Солнца. И для всех нас ещё есть надежда. Маленькая, но есть. А сейчас мне пора, Сергей, не скучай. – И он направился к старенькой «Ниве». – Баламут! – крикнул Градомир орку. – Отвези меня в город!

Блин, прямо «*Звёздные войны*» какие-то! Вот как-то так... Остался я со своими тяжёлыми мыслями один на один, горе горевать. Покрутив головой, убедившись, что «*князь*» больше никому не нужен, направился в дом лешего. Гостиная у Кузьмича была огромная, ну и неудивительно, судя по его второму облику. Просто одно большое помещение, всё в одном: и прихожая, и кухня, и холл, где ваш покорный слуга кинул свои старые кости на скромный старенький диван. Второй этаж имел две небольшие уютные спальни. Галина стояла у стола и что-то весело себе под нос щебетала, замешивая тесто. Я завоzilся у себя в углу, доставая тубус со снастями, тем самым привлекая её внимание.

– А, Сергей! Это вы?.. – пропела она. – На ужин будут вареники с картошкой и грибами. Галина мило улыбнулась. Приятная женщина.

– Сто лет не ел их. В последний раз мать готовила, когда я был у родителей в гостях, – промямлил я. – Она у меня на это дело мастерица. – При этих словах на душе стало ещё гаже. Давненько я у родных в гостях не был, совсем забросил их. М-да. Как они там сейчас? Не знаю...

– Надеюсь, будет не хуже, чем у вашей мамы! – ответила она. – Не грустите, Сергей, всё наладится, вот увидите. Всё будет хорошо.

Её бы слова да богу в уши. Прямо чувствуя пятой точкой: как начнёт налаживаться, всем чертям на этом свете тошно будет.

– Я к озеру, на разведку, – кинул ей через плечо и вышел во двор. Шёл не глядя, петляя по тропинке, ведущей куда-то вниз с этого зелёного склона. Не обращал ни на кого внимания, полностью уйдя в свои мысли. Глубоко, глубоко! Лишь рыжий Кукуня бежал передо мной,

гонялся то за пёстрой бабочкой, то за своим хвостом, только вместо клубка с нитками по тропинке катился комок живой шерсти. Через пять минут хорёк вывел меня к озеру.

Которое меня сразу впечатлило. Разглядывая эту неземную красоту, я даже забыл о своих заботах. Небольшая лагуна простиралась метров на сто вперёд, а за ней водный простор отражал голубой небосвод в зеркально-чистой красоте. В его глади отражались вековые деревья скалистых обрывистых берегов. И от этой первозданной красоты ты просто немеешь. Невероятная архитектура природы! Огромные тысячелетние серые мегалиты, словно чудовищные черепахи прошлого, выползли погреться под северным солнцем, обрастая со временем вечнозелёным мхом. А небольшая заводь с каким-то красным оттенком воды, словно это кровь земли, создана, чтобы в неё хотя бы на минуту погрузить своё изможденное тело. Я прислушался к тишине. Где-то недалеко прыгнул полосатый разбойник, гоняясь за многочисленным мальком. За горизонтом прокричала одинокая чайка. Рядом пытел, роясь в песке, неутомный хорёк. И всё это накатывало волнами и шептало, вкрадываясь в сознание: «Оставь всё там, все свои потуги, скинь ненужный груз со своих натруженных плеч, прочь червя сомнения, который грызёт тебя изнутри, сядь, посиди со мной. Отдохни. *Я природа! Я твоя мать!*» И я присел, скинул обувь, бросил под ноги тубус, устроился ровно посередине небольшого пляжа на тёплом песке. Где-то недалеко ухнул сыч. На ближайшей сосне сидел лупоглазый Филимон, я махнул рукой, приветствуя птицу. Филимон кивнул – может, случайно, не знаю. Я подобрал веточку и повозил ею по золотому песку, стараясь вывести своё имя. Кукуня тут же взвился, встав в стойку хитрого мангуста. Я пошевелил ещё, и этот бесстрашный хищник нанёс смертельный удар по сухой ветке, вцепившись в неё зубами, чем насмешил не только меня, но и умную птицу. Тоже мне, Рикки-Тикки-Тави доморощенный нашёлся.

– У-у-у, – послышалось где-то рядом.

– А, и ты здесь? – я оглянулся на Кулёму. Метрах в трёх от меня сидел лесовик.

– Понятно!.. От Кольки сбежали, значит.

– У-у-у! – донеслось от лесовика.

Если бы не видел его раньше, в жизни не заметил бы, пенёк пеньком. Так что, если где и встречу огромный пенёк в лесу, а они вырастают до трёхметрового роста, лучше обойду его стороной, мало ли что, от греха подальше. Пока Кулёма смотрит на меня своими зелёными глазами – лесовик. Как закрыл их – всё, нет его, сухая деревяшка по имени Наташка. Это я так, к слову. Удивительный мир!.. Жалко, не многие могут его увидеть, телевидение такое не передаст, оно больше доводит до нас информацию, а это надо прочувствовать, этим надо дышать. Так и сидели все вместе втроём около часа, пока хорёк не выдохся и не растянулся на тёплом песке. А я всё думал о жизни своей нелёгкой. Ну, кто я теперь? Князь?.. Олег?.. Бред сивой кобылы! Я с трёх лет себя хорошо помню. Своих родителей. Первый класс. Школьных друзей. Службу в армии, потом свадьбу. Рождение сына, потом дочери. Тяжёлый развод. Позже уехал в Питер. Работа. Кстати, хорошая! Новые знакомые, новая жизнь, новые друзья. А тут на тебе, салам вам пополам. Олег, здравствуйте! Чушь полная! Я рождён Сергеем, так назвал меня отец. И я буду им. А кому не нравится – да пошли они все!.. А для всех остальных – называйте меня как хотите, хоть горшком, только в печь не ставьте. А вот насчёт печи как раз и было у меня сомнение. Тоже мне, умники нашлись!

– Ты единственный благословлен *силой его!* – передразнил я лешего. – Только ты можешь отправить в Ирий души погибших воинов! – поднял руку и протянул её в сторону озера. – *Благословляю вас!*.. – и повторил знакомый жест одного пирата из кинофильма, Джека Воробья, шевеля пальцами, представляя себя Папой Римским.

Ёк-макарёк! Или у меня в глазах зарябило, или кто-то свет притушил. Лёгкая дымка, словно туман, запестрила золотой сединой в радиусе где-то двадцати метров от меня, в сторону озера. Туда, куда я указывал рукой. Мягкий золотой свет, еле заметный, утренней моросью упал на водную гладь. Я протёр глаза.

– Ты это видел?! – я толкнул Кулёму.

– У-у-у! – подтвердил лесовик.

Я вскочил и подошёл к берегу, чтобы поближе разглядеть это явление. Сыч тоже хлопнул крылом, обозначив своё присутствие.

– Собачья печёнка... – прошептал я в сердцах, стараясь рассмотреть этот золотой дождь, который лёгким покрывалом накрыл небольшой участок заводи. Метрах в пятнадцати от меня что-то в озере глухо булькнуло и вспучило безмятежную водную гладь. Огромный полуметровый пузырь всплыл из глубины озера, выпуская из себя сизой бесформенной дымкой седого джинна. Я замер, чтобы невольным колебанием воздуха его не спугнуть. «Главное, чтобы *этом* пузырь меня не вспугнул!..» – подло закралось в мою голову. Сизый дым был похож на облако в миниатюре, которое зависло над прозрачной водой, клубясь, будто маленький спрут, протягивая ко мне свои белые легкие щупальца.

– Ущипните меня кто-нибудь, – не выдержал я.

– У-у-у... – отозвался лесовик и сильно ущипнул меня за задницу. «Ну вот, теперь синяк будет».

Из сизой дымки стали вырисовываться человеческие черты лица, словно невидимые руки художника создавали из этого тумана седоусого сурового воина. Вот уже показался древний шлем, прикрывая седую голову этого густого марева, а вот появились длинные усы, кончики которых дотронулись до прохладной воды. Потом появился лоб, который, как мне показалось, хмурился, после чего уже полностью сформировалось лицо немолодого воина, строго смотрящего мне в глаза – побеспокоил, мол...

Я автоматически отшатнулся подальше от сердитого взгляда призрака. Грозный воин страшной иллюзией минуту любопытно разглядывал меня. А потом дымка дрогнула, будто от небольшого порыва ветра, но мне на мгновение показалось, что воин былых времён благодарно кивнул на прощанье, и его пепельные губы еле слышно прошептали, слегка улыбнувшись:

– *Я погиб за Ру-у-у-сь...*

И призрак растаял, словно ничего и не было над этим озером. А я просто зажмурил глаза. Жуть... просто мороз по коже. А вот теперь точно засада!.. Можно кричать *ка-ра-ул!* И я приземлился пятой опорной точкой на прогретый солнцем песок и что-то мягкое и такое до боли знакомое. – Ну блин... Кукуня! Как ты смог столько много?.. А отбежать не судьба!

Ну, что я вам могу сказать по этому поводу?.. Слов нет, одни слюни. Я, наверное, скоро гавкать тут с ними начну. Гав-гав! В общем, посидели все втроём, посоветовались и решили больше так не делать. А то у дяди Серёжи скоро нервный тик на два глаза будет. Смех, конечно, смехом, а вот теперь я крепко призадумался, игрушкой в руках бессмертных богов быть как-то желания нет. Вот чуйкой своей прямо чувствую, ничем хорошим для меня это не закончится.

К сожалению, натура у меня такая, беспокойная, и долго сидеть горевать да думы нелёгкие думать, ну, не могу я, как это делают многие. Достал свой спиннинг любимый, набор небольших вертушек, схожу-ка окуня, злодея, погоняю.

Побродив не спеша по берегу, покидал снасть на все четыре стороны, поймав десяток хороших краснопёрых окуней, бросил их в кучку на песок, глянул на часы – а время уже ближе к вечеру, развалился, стал нежиться под вечерними лучами солнца Карелии и немного задремал. Со стороны дома раздались шаги, Васька-орк присел рядом на песок.

– Пиво, холодненькое, будешь? – орк толкнул меня в плечо.

– А сам как думаешь?! – я отозвался на его предложение и разлепил один глаз.

Глава 5. Шаман

Месяц без Градомира пролетел без каких-либо чрезвычайных ситуаций, то есть без моих косяков. Я стал понемногу привыкать к этим тихим очаровательным местам и весёлой компании. Днём ходил на Красное озеро – кстати, его местные так и называли – и ловил огромных карельских окуней. Ну, хоть душу отвёл, рыбаки меня поймут. А потом тёплыми летними вечерами мы все вместе собирались в беседке, уплетая за обе щеки Галкину стряпню, хотя в нашем меню был и шашлычок, и коньячок. Погода нас теплом только радовала, ни облачка на горизонте, ни ветра, просто штиль. Одним словом, прекрасное лето. Васькина жена действительно оказалась поваром с большой буквы и окружила нас всех своей материнской заботой, взяв меня под своё крепкое крыло, стараясь угодить заядлому холостяку своими очаровательными изысками кулинарии, пирогами из русской печи да варениками с настоящей деревенской сметаной. Васька с Колькой днём уезжали на весь день в деревню, по своим нуждам хозяйственным, и под вечер только возвращались, пряча от Галки то пиво на вечер, а то и бутылку беленькой и холодненькой. После сытного ужина мы с Васькой уходили на берег озера, якобы на рыбалку. Гала, конечно, догадывалась, но, как говорится, не пойман не вор. О своём приключении на озере я пока героически помалкивал. Ночные сны, мои кошмары, тоже сошли на нет. Так и жили не тужили, мясо ели, брагу пили. Машка всё время крутилась возле своей матери, познавая азы кулинарии, ну а маленький Колька терроризировал подворье Кузьмича. Так что пару часов мы с Васькой-орком любовались закатом, уютно сидя на берегу озера, жгли костёр и вели неторопливо, как и полагается двум представителям разумных рас, заумные беседы. Короче, были на умняке.

– От лешего ни единого звонка, ни одной смс, даже горлица никакая не прилетела.

Васька махнул рукой:

– У него бывает, как уйдёт в свой лес дремучий, то на всю неделю, а то и на две, ни ответа вам, ни привета. Что там наш косматый делает, только черту известно! – Васька смачно рыгнул и посмотрел на меня осоловелыми глазами.

– А леший его знает! – парировал я.

– Гы-гы-гы! – Васька заржал. – И не говори, – орк стукнул себя в грудь. – Поперхнулся... – еле выдавил он.

– Ну что, по маленькой?.. – зелёный змей, а точнее, серый бросил взгляд на лежащий рядом рюкзак.

– Угу, – скромно согласился я с таким раскладом. Я вообще по жизни сама скромность и придерживаюсь одного правила: дают – бери, бьют – беги, – так и тут. Галина не забывала по указу Градомира отпаивать меня травками, как я их назвал для себя, *мельдонием*. Ничего не скажу, но моё самочувствие и настроение были на высоте. Кстати, этот отвар нормализовал артериальное давление, которое иногда скачет без моего разрешения. Чудо просто, а не отвар, его бы в аптеки наши на продажу старикам да мужикам, кто уже в возрасте. Да кто позволит, бизнес ведь!.. В общем, было пока у нас всё под контролем, то есть без чрезвычайных происшествий. Федот на глаза своему «князю» пока не появлялся, но Васька уверял, что всё идёт по плану. Мол, баня у Кузьмича в таком плачевном состоянии, что ему ещё три дня надо, чтобы привести её в порядок. А то, мол, умерла она у него, нет больше в ней ни жизни, ни силы, как говорится, ни жару, ни пару, сам-то косматый в баню не ходит, забросил родненькую. Куда ему!.. Блох, что ли, парить?

– Гы-гы-гы!!! – и Васькина серая харя расплылась в широкой добродушной улыбке.

Так неспешно прошёл месяц. Я уже знал хорошие ямы и запруды на берегу чудесного озера и каждый божий день приходил с хорошим уловом. Окуней присаливал, а под вечер мы их с Васькой коптили под его домашние пиво, *что-то вроде браги*, из остальной рыбёшки

Галя варила наваристую уху. Под вечер вот такого тихого и спокойного дня послышался гул автомобиля, и наша советская «буханка», ворча и посапывая, словно паровоз, выехала на зелёный лужок. Машина была выкрашена в камуфляжный цвет, в светло-зеленых тонах, словно только с конвейера сошла, просто мечта любого охотника и рыбака. Глядя на неё, я чувствовал, как просыпается неугомонная зелёная жаба. Дверь громко хлопнула, и из *буханки* вышел хозяин, средних лет мужик: белая футболка на подкачанном торсе, дорогие часы и короткая аккуратная стрижка. Городской мажор, сразу сделал вывод я. Следом появился наш Кузьмич, хозяин этого дома и прилегающих лесов и озёр, они направились к нам, успевая как раз на наш скромный семейный ужин.

– Я же говорил, успеем! – Кузьмич радостно улыбнулся.

– Мир вашему дому, друзья! – он приложил руку к сердцу.

– И твоему дому мир! – ответили мы хором, как в первом классе своей учительнице.

Хозяин со своим гостем уселись напротив нас с Васькой.

– Андрей. – Кузьмич скромно представил мужика. Тот молча кивнул. Ну и мы не стали себя утруждать любезным рукопожатием. А мажор не так прост, сразу видна военная выправка и цепкий оценивающий взгляд, майор, не меньше. Мажор оценивающе посмотрел на меня.

– Нравлюсь?! – я не выдержал. Терпеть не могу, когда вот так бесцеремонно, словно дорожную шлюху, тебя разглядывают.

Майор минуту молчал.

– Честно? Не очень... – как-то через губу ответил он, словно плюнул. Ну, хоть с чувством юмора у него всё в порядке, думаю, «весельчак», в глазах его читалось: *лох деревенский*.

Ну не понравился, ребята, он мне сразу, вот вроде всё нормально, а душа не лежит к человеку, хоть убей, гнильцой пахнет. Не знаю... посмотрим, война план покажет. В общем, каждый из нас остался при своём мнении. Галина сразу засутилась и стала накрывать на стол. Тут же из воздуха появилась бутылка, и Васька налил всем по рюмке. Андрей отрицательно мотнул головой. – Я за рулём, мне ещё возвращаться.

А мы втроём махнули за приезд лешего. Кузьмич взял у Галины тарелку с наваристыми щами, и мы все вместе быстро затарахтели ложками, через пару минут все, довольные и сытые, оторвались от пустой посуды. Галка повариха была славная, слов нет.

– Мне пора! – Андрей встал из-за стола, ещё раз одарил меня скользким взглядом. – Не болей... – кинул *майор*, словно кость собаке кинул, и направился к своей машине.

– Угу, – промычал я. – И тебе не хворать.

– Градомир! Груз-то свой забирать будешь?! – не поворачивая головы, крикнул *майор* лешему.

– А как же, за ним убогим и ездил! – рядом со мной уже стояло это огромное лесное лохматое существо. Подойдя к машине, открыв заднюю дверь, Градомир одной рукой вытащил какой-то мешок и кинул его себе на плечо. Мы с Васькой сразу и не поняли, что это чьё-то безжизненное тело. *Буханка* завелась с полтычка и, пыхтя, тронулась в обратном направлении.

– Надеюсь, он был не на охоте?.. – Васька задумчиво почесал лысую голову.

– Будем надеяться, что он не стал в это отсутствие людоедом... – прошептал я орку, – или оркоедом...

Градомир зашагал в сторону амбара, чьи-то ноги безвольно болтались у него за спиной. Безжизненный труп он аккуратно бросил возле сарая, подsunул под голову небольшой мешок и направился, довольный, как мартовский кот, к нам за стол. Чужеродное тело неуверенно завозилось, выкрикнув что-то бессвязное в атмосферу, и замолчало.

– Да он никакой! – Васька удивлённо посмотрел на меня.

– Угу... – подтвердил я. – В говно...

– Не нравятся всё же мне человеческие города, тяжело там, дышать нечем. Одно только радуется, интерьер хороший, – леший подсел к нам в беседку. – Это пьяное чмо – великий шаман

холодного севера. Якут. – Градомир кивнул в сторону мирно отдыхающего туриста. – Завтра оклемается, если ему никто не нальёт... – и Градомир многозначительно посмотрел на орка. Васька как-то вяло улыбнулся лешему и отрицательно замотал серой головой.

Вот насчёт завтра оклемается, Градомир, конечно, погорячился. Якута трясло дней пять. Добрые травы лешего не помогли. Только яд. В малых его количествах. То есть Васкина орчья брага. А пить якут бросил, видно, потому что устал.

– Градушка... да ты чё!.. За кого ты меня принимаешь?! Зуб даю, ни граммульки! – перед носом орка появился огромный, в пол его головы, волосатый кулак лешего. – Градомир, ты ж меня как облупленного знаешь. Мамой клянусь! – орк невинно захлопал карими глазами. – Вот те крест! – и Васька перекрестился. Два порождения тёмной вселенной весело засмеялись. Глядя на них, почему-то перекреститься сразу же захотелось мне, а лучше бы их святой водицей побрызгать, может, пить бросят. Черти! Жалко, что я убеждённый атеист, *был* когда-то...

Утром за завтраком мы все вместе собрались в беседке. Небо стало понемногу хмуриться, нагоняя мелкие ползущие вредные тучи. Попивая горячий отвар Градомира, я разглядывал невесёлого, слегка помятого якута. Ну как слегка, как всегда...

На вид мужику лет тридцать, может, немного с хвостиком, с явно выраженными чертами лица северных народов. В стареньком, выцветшем от долгого ношения на солнце, но всё ещё крепком камуфляже. Из-под вязаной чёрной шапки на правое плечо свисала белая прядь волос, в которую было вплетено длинное птичье перо, которое переливалось на чёрном фоне сизым. Думаю, это ворон, может, фазан. Тоже мне, индеец Джо нашёлся, судя по вчерашнему виду, буду его называть якут – *Стойкий Камыш!* Вместо глаз у него были узкие амбразурные щели, но не из-за принадлежности к северным народам, а скорее из-за систематического запоя. Короче, морда опухла, словно её покусали дикие пчёлы. Ну да ладно, с кем из нас не бывает? Перед якутом на столе стоял стакан с огуречным рассолом и призрачно маячил огромный кулак Градушки.

– Пей, сказал!.. – леший кивнул на стакан. Якут жалобно посмотрел на лесного монстра.

– А пивка холодного не найдётся у вас, пожалуйста?.. – Кулак тут же поднялся и завис в воздухе перед носом этого северного бедолаги, слегка качнувшись в сторону Васьки, намекнув этим двоим на тяжёлые последствия злоупотребления алкоголем, который очень сильно может ударить по почкам. Ну, очень сильно! Лесной Минздрав предупреждает! Мне показалось, что глаза якута ещё больше сузились.

– Я тебя не для этого месяц искал, шаман. Мне помощь твоя нужна, – и леший кивнул в мою сторону. Один глаз шамана постарался сфокусироваться на мне, угрюмо выглядывая из-под века.

– Трудно найти дорогу домой, когда её нет... – Якут сухо сглотнул. – Место силы искать надо, камлать буду, – шаман посмотрел на лешего. – Пивка бы сейчас, лохматый, будь человеком!.. – Градомир оскалился, словно волк. – А то камлать некому будет, уйдёт якут в мир великих предков, – северный шаман словно не видел хищного оскала лешего и его белоснежных клыков. – Совсем плохо мне, иначе никак... – Градомир сплюнул в сердцах и направился в погреб за Васькиной брагой.

Место силы Градомир с Якутом искали три дня и всё-таки нашли его, ближе к вечеру. Не очень далеко от нас, примерно в четырёх километрах, на небольшом острове, одиноко стоящем в озере Красном. Остров был небольшой, своей формой чем-то напоминал геометрический ромб, смотрящий строго своим вытянутым носом на Полярную звезду, как компас, указывающий путь пилигриму.

Шаман аж шумно выдохнул, поцокав языком и кивнул Градомиру.

– Хорошее место, блохастый, камлать тут буду, – и он топнул ногой, показал на гранитную плиту, которая находилась прямо под его сапогом. Плита была толщиной примерно метр, расположившись на самом широком месте этого острова. Размером примерно десять на десять,

похожая на взлётную площадку вертолёт, только она вся обросла зелёным мхом и занесённым за долгое время мусором. – Как солнце коснётся горизонта, так и начнём. – Якут, довольный собой, уверенно кивнул мне.

Прежде чем начать камлать, леший меня напоил добрым отваром лесных трав, а Якут провёл для меня тщательный инструктаж по параллельным мирам Нави.

– Сны, Серёга, бывают разными: чёрными, белыми, красными, – начал свой подробный инструктаж шаман. – А если точнее, то смотри. Допустим, ты играешь в компьютерные игры, например, в *Сталкер*, за игрой можно просидеть весь день и просто перегрузить этим виртуальным миром свой мозг. И, конечно, ночью в своих снах ты будешь бродить по Зоне Отчуждения. – Я кивнул, есть такой грех, как в воду смотрел. – А утром встаёшь и думаешь: наигрался, называется. Верно? – Я опять согласился. – И многие так думают. А не так всё просто и однозначно. Ведь братья Стругацкие написали свою историю задолго до Чернобыльской катастрофы. Совпадение?.. – Я пожал плечами. Хрен их знает!

– Или ты хочешь сказать, что простой человек, который это придумал, изложил всё на бумаге, потом издал свою рукопись, и случайно через десять лет мы получаем такую мировую трагедию? Какой у нас с тобой шанс что-то выдумать, и чтобы это случилось? А шанс наш с тобой равен нулю! Но тут есть небольшие исключения. А если мы это с тобой где-то уже видели? Я уж не говорю о таком мэтре-фантасте, как Жюль Верн. – Якут подбросил дров в костёр и продолжал: – Они видели всё это в параллельных мирах нашей Вселенной. Просто в одном копирующем мире после взрыва энергоблока распространилась зона. А в нашем мире Яви кто-то сделал вывод и этого не допустил. В мире есть много особых людей, которые могут своим сознанием перемещаться по мирам параллельных вселенных или кратковременно в них заглядывать. Но нам видно в основном только фантастов, из-за описанных ими чужих миров. Они видят все это в своих сновидениях, другие вселенные, другие слои времени, другую жизнь... иную. Но фантасты не имеют достаточно знаний для долгого пребывания в Нави. И проводника по Нави у них нет, да он им и не нужен, скажем так, они дилетанты, которые имеют к этому просто природный дар, им больше и не нужно. А есть люди, которые занимаются этим всерьёз и долго, возьмём тот же шаманизм или любые другие индусские учения, которые оттачиваются тысячелетиями. Только у всех людей стоят разные задачи, одни о них пишут, добавляя что-то своё, другие их изучают и анализируют, не без помощи, конечно, государства.

Я удивился и захлопал широкими красивыми сексуальными глазками. Северный шаман засмеялся:

– А ты как думал?! Да, да, и я тоже... Всё у нашего государства под контролем. Так вот, эти миры не придуманы, их просто видели, пускай и кратковременно. И когда ты в игре живёшь в мире Зоны, твоё О-сознание намного легче воспринимает чужой мир как свой собственный, Явный, и, естественно, совершает переход своим сознанием туда, ну, или астральным телом, можно сказать так. Просто, когда ночью спишь, ты уже находишься без своего сознания, а вот где оно бродит в это время, думаю, даже всем существующим богам неизвестно. А моё-то, думаю, где, тью-тью? *Я ушло, вернусь нескоро...*

А северный шаман всё продолжал инструктировать меня:

– Миры Нави ошибок не прощают, Серёга, пойми ты, это очень опасно. Многие сильные шаманы севера остались там, за кромкой, не сумев вовремя вернуться оттуда, потеряв себя там навсегда. Тебе нужен маяк в этом мире, который сможет помочь привязать твоё сознание к Яви, а не увязнуть в каком-нибудь другом мире. Для этого я буду играть на варгане, а ты слушай, слушай меня, Серёга, внимательно и не упускай этот пруттик надежды, ведущий домой. И твой беспокойный дух сам укажет тебе дорогу туда, куда он всё время рвётся, туда, где есть ответы на твои вопросы. Может, ты найдёшь ответы на вопросы, а может, и нет, не знаю. Я как-то по молодости застрял сам в Нави и еле выбрался оттуда.

Шаман глубоко вздохнул, тонкие губы его дрогнули, отозвавшись душевной болью.

– Хорошо, что возле моей юрты куст облепихи рос. Это как застрять в своих сновидениях. Проснулся, походил по юрте, поговорил с женой, вышел на луг, чтобы коня напоить, и всё тебе кажется родное такое, вот только вместо облепихи ёлка растёт. А я точно знаю, что там должна быть облепиха! Она там с самого моего рождения, я об неё ещё совсем маленьким жопу драл. Но её нет... Я стал вслушиваться и внимательно всматриваться в окружающее меня пространство. Это не мой мир, понял я, он словно глуховат немного, это сон, это как блеклая тень нашего мира, всего лишь пародия на него. Это мир Нави, мир духов, которые не смогли уйти в светлые миры и остались навсегда в этом. Звуки какие-то приглушённые, словно ты находишься под водой, и краски чуть тусклее, чем обычно. Солнце светит, но как-то не так, словно затмение. И жена вроде моя, а вроде и не моя, как сестра-близняшка, только цвет глаз другой. Всё то, да не то. Понял тогда, что снится мне это всё, а проснуться в Яви не могу.

Пошёл, лёг спать снова, чтобы оказаться в Яви, встаю, всё хорошо, думаю, ерунда какая-то приснилась, выхожу на луг, смотрю сразу на куст свой, а там ольха стоит!.. Понимаешь, сука, *ольха*! Мать-перемать! Я опять спать, и всё заново по кругу, только кусты меняются, а облепихи моей нет. Уже на пятый раз я сильно испугался и запаниковал, стал кричать и доказывать своим знакомым и близким, стараясь убедить их, что я не из этого мира. Я из Яви! Двойник приграничного с вами мира! Представляешь, как это выглядит со стороны? Дурдом на колёсиках отдыхает. А они смотрят на меня как на больного и улыбаются, кивают мне и молчат. Молчат! Ни звука... Как вспомню всё это снова, жуть берёт. Только старая мать отстранилась от меня немного и в глаза поглядела. А ведь её уже три года как нет!.. Слышишь, Серый! Не знаю, что она в моих глазах увидела, но просто кивнула, а может, показалось мне всё это с перепугу, и не знаю уже. У нас к этому намного спокойнее относятся, к миру ушедших.

Понимаю, что сплю, Серёга, но и проснуться в мире Яви не могу. Так и метался между мирами. А представь, что твоё сознание сразу попало в два мира Нави, а то и в три или больше, всё от способностей человека зависит, от места, от времени. Твоё сознание попадает в несколько миров сразу, и мозг это воспринимает как какой-то ночной кошмар. Ни у одного человека мозг не способен этот поток информации разделить на части, воспринимает все как своеобразную кашу, отрывками. А сознание твоё всего лишь попало в несколько миров одновременно. Представь, что ты смотришь сразу несколько кинофильмов, два, три, четыре, и как твой мозг это воспримет? Правильно, никак! Мы созданы для Яви, и только... Тогда я думал, что с ума сойду, пока не вернулся к своему облепиховому кусту. Так и моя игра будет для тебя как облепиховый куст, а дорогу в миры Нави я тебе укажу. Моё сознание могло застрять в любом параллельном мире и прожить там целую жизнь, а то и вечность в мире теней. А их там тысячи, миллионы, сам скоро увидишь.

В этом же мире ты уснёшь самым крепким сном, и никто не сможет тебе помочь, пока сам не найдёшь дорогу домой своим рассудком, или, как некоторые говорят, астральным телом. А найдёшь, возможно, будет уже поздно... – и якут снял свою вязаную чёрную шапку с головы. Пепельного цвета волосы молодого человека ввели меня в ступор. Седые пряди якута свисали на плечи, словно передо мной столетний старик, и лишь сизое перо ворона создаёт хоть какой-то контраст на его голове. И я сразу задумался... и сделал вывод. Вы видели тридцатилетнего парня с совершенно седой шевелюрой? А я увидел! И мне совсем стало не смешно. – Запомни крепко. В Яви я играю на варгане для тебя, это твой маяк, это твой облепиховый куст и дорога домой. Хочешь вернуть своё сознание, слушай меня, слушай мой плач на этом инструменте. Его магическая вибрация вездесуща в мирах Нави. Мир, Сергей, не только на светлое и тёмное делится, на плюс и минус, день и ночь, мир многогранный, словно дикие пчелиные соты, которые имеют сферическую форму, похожие на нашу Вселенную. Только в светлые миры так просто никому не попасть, сил в наших говняных душонках маловато будет, да и никто не пустит нас просто так. А вот в тёмных мирах Нави можно хорошенько заплутать. И эти миры Нави открывают свои границы, когда солнце коснётся горизонта, – шаман отпил остывшего отвара

лесных трав. – Никогда не думал, почему на севере так распространён шаманизм, в отличие от южных регионов России? А потому что закат солнца у них намного раньше, и люди намного реже ложатся спать в это плохое время. Когда граница Яви ослаблена, и твоё сознание может заглянуть в Навь. Ты ещё не спишь, только лёгкая дрема наваливается на тебя своей тяжестью, но разум уже не контролирует своё нахождение в Яви. Вот тогда человек может услышать посторонние звуки Нави или нарастающую вибрацию, шум шагов, а то и вообще наваливается на тебя оцепенение, и просто сил нет никаких скинуть это наваждение. Это означает открытый рядом переход, твоё сознание на грани, между Явью и Навью. Бойся этого, борись с этим, не давай своему сознанию перейти невидимую границу миров, та жизнь не для живых. А в северных районах страны шансов у людей попасть за кромку намного больше, закаты слишком поздние, белые ночи у нас, сам видишь. И кто смог вернуться оттуда, у того и проявляется способность перехода и общения с духами предков. Потому мудрые старики и говорят в южных регионах, нельзя спать ложиться после пяти часов вечера. Пусть Навь пронесется черным крылом. А представь, если ты смог вернуться через пять дней?.. – шаман замолчал.

Меня всего передернуло. Я где-то читал, что при повторном захоронении своих близких их часто находят в своих гробах перевернутыми, с огромными щепками под ногтями, распавших крышку гроба. *Вспомнился почему-то сразу Гоголь.* Вот кто был мастер переходов в Навь, не отнять. Но, видно, что-то пошло не так. Даже думать об этом не хочу, мороз по коже. Не дай бог кому такого счастья. Хорошо хоть, эта троица меня, если что, подождёт, а не зароет в сырую землю. Только и надеюсь на это...

– Эй, лохматый! Дров больше надо, костёр сильно большой должен гореть, чтобы ночные духи дорогу видели.

Я думал, леший голову откусит этому сибирскому алкоголику. Градомир только рыкнул, словно медведь-шатун, клацнув своими острыми зубами. Но Якут не обратил на это никакого внимания, лишь тяжело встал с гранитной плиты, словно тысячелетний старик, и направился к берегу озера. Общаться с умершими-духами Нави ему было, видимо, проще, чем со всякими блохастыми. И вообще, я заметил, что для шамана он слишком хорошо образован, а вот с нашим лешим обязательно валял дурака.

Уже ночь, но солнце лишь коснулось беспокойного горизонта. Алые языки пламени метнулись в прохладную атмосферу, поедая невидимый кислород, словно дикий зверь вылизывал кристаллы соли. Мне подстелили старый овчинный полушубок на холодный гранит. Шаман удобно расположился напротив. За жаркими полыхающими языками пламени его практически не было видно, только причудливая игра теней, словно огромный паук протягивал свои искажённые светом лапы, стараясь робко дотронуться до меня в сумерках. Мне подали небольшую глиняную миску с каким-то неизвестным отваром. Я отпил. Вкус грибного супа, довольно приятный, наверное, мухоморы. Ну куда в Питере без грибов?.. Они тут везде. Волшебная игра варгана стала завораживать своей вибрацией, пронизывая вокруг всё невидимое пространство, украдкой заглядывая, словно ночной вор, в твоё сознание.

– Ты не напрягайся... Смотри на огонь, я всё сделаю сам, – расплывчатый образ Якута мелькнул среди красных языков пламени. Градомир вместе с Васькой отошли на безопасное расстояние, от греха подальше, на берег озера. Всё же суеверные эти тёмные. Васька, как всегда, в своём репертуаре. – А шо-о? Вдруг засосёт!.. Гы-гы-гы!

Раздался звук открывающейся банки пива, и оно красиво и так до боли знакомо зашипело. *«Вот же сучата!»* – подумалось. — *Тоже мне, подтанцовка хренова!»* Сразу видно, как они сильно переживают за Серёжу. Тембр северного инструмента нарастал, словно тяжёлый рок. Его магическая сила стала проникать в душу, стараясь заполнить каждую клетку моего сознания. Да ладно! Я «Металлику» пережил, «Сектор Газа», «Красную Плесень», «Гражданскую оборону», мне даже в машине, когда еду на работу, по радио «Питер-FM» приходится

Киркорова слушать, а тут какая-то северная балалайка меня в транс введёт? Фу! За кого вы меня принимаете? Коля Басков своей «Шарманкой» не ввел, а тут якут!..

Красный цветок аккуратно потянулся к моему лицу, нежно лизнул его, словно преданная собака, и мне на миг показалось, что из огненного лепестка скрутилась полыхающей стихией огромная горящая дуля.

– *Мы с тобой одной крови, ты и я...* – дыхнула горящая фи́га в моё лицо. «А Киплинг, видно, тоже под грибами писал...» Красный язык от меня резко шархнул и стал закручиваться, танцую беспокойной спиралью, крутясь юрким волчком, превращаясь в золотой вихрь или подхватывая демонический, одержимый одинокий танец. Причудливый узор огня приковал взгляд, гипнотизируя его, завораживая своей неудержимой пляской. Огненный цветок жил невидимой для всех, какой-то своей таинственной жизнью. Треснуло сухое полено, рассыпав вокруг белесые искры. Искры тут же подхватил прохладный ветер, раскидав их веером по тёмному ночному небосводу, словно это космические звезды, украшенные бисером в нашей необъятной вселенной.

Я оглянулся, вокруг была космическая пустота и мириады белоснежных холодных звёзд. Но это не планеты, как нам рисуют художники, это как хорошо сконструированная матрица. Какая-то самоделка. Как пояснил якут, это пространство *между*мирья, а звезды – это врата в иные миры, в иное время. *Ай да отвар!* Звезды имели равное расстояние между собой, выделяясь на чёрном фоне и также были одинаковой величины. Ведь так не бывает! Я не вижу никаких летящих комет или падающих метеоритов. А где кольца Сатурна? А где сам Сатурн? Ой! А где я?! Я есть, а тела нет! Ой, как интересно... Так стоп! Мама-папа есть? Есть! Друзья мои алкаши есть? Есть! Значит, это точно я. Вопрос. Где? Видимо, в Караганде. Но ни страха, ни тревоги я не испытывал, а только жуткий интерес, аж чешется в одном месте, а почесать нечего... Суперчувство! Ты вроде есть и тут же понимаешь, что тебя нет. Вот такие, брат, дела. Может, встречу тут кого? Ну, мало ли, вдруг йог какой залётный из Индии или с Тибета медитирует и в астрал вышел, а тут я весь такой MADE IN USSR мимо пролетаю, *за пивом мчусь*. Ладно, якут сказал, что душа Олега сама покажет дорогу. И где тропа? Хоть бы указатели сволочи повесили. *Налево пойдёшь – к тёмным попадёшь, направо пойдёшь – к светлым попадёшь, а прямо пойдёшь – башку свою, Серёга, расшибёшь*. Вот чувствую, что так и получится. Наши народные русские сказки, они мудростью так и веют.

Где-то далеко вспыхнула ярким светом одинокая звезда. Черт! Может, манит... Я потянулся к холодному свету сознанием. Не плачь, маленькая, не плачь, хорошая. Ой! Уже и не такая маленькая и, видимо, не такая хорошая. Звезда стала приближаться с космической скоростью, стараясь ослепить меня своим серебряным светом. «*Она затягивает меня, засранка!* – понял я, но было уже слишком поздно... – *Тррр!* А где тут тормоз? А?...» – как-то уж совсем запоздало промелькнуло у меня в голове. И я нырнул в этот ослепительный яркий свет, как в глубокий страшный омут, своим астральным телом. Засосала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.